Будем как боги

Автор:

Олег Рой

Будем как боги

Олег Юрьевич Рой

Гениальный организатор Гарри Фишер в компании таких же, как он – преуспевающих, богатых и известных – отправляется в круиз по Карибскому морю. У этих людей есть все: власть, богатство, известность, возможность исполнить любой свой каприз.

Но им этого мало. Амбиции Фишера простираются намного дальше. Он видит себя и своих друзей бессмертными богами, а весь мир – своей прислугой. Но у судьбы свои расчеты: результатом грандиозного проекта Гарри Фишера становится ужасная эпидемия, остановить которую невозможно. Люди умирают миллионами, даже не успев понять, что вызвало их гибель.

И ни деньги, ни власть, ни известность – даже само бессмертие теряет свою цену на фоне разворачивающейся катастрофы.

Они хотели стать богами – и стали богами.

Но есть ли смысл быть богом мертвых и умирающих?

Удастся ли спасти хотя бы часть человечества, или оно обречено на вымирание?

И можно ли загнать смертоносного джинна обратно в бутылку?

Олег Рой

Будем как боги

Горы трупов сложат на площадях,

и миллионы людей унесёт безликая смерть.

Города с миллионами жителей не найдут достаточно рук,

чтобы хоронить умерших,

а многие деревни будут перечёркнуты одним крестом.

Никакое лекарство не сможет остановить белую чуму.

Г.Распутин

Часть I: Алхимик

Четвертое июня 2026 год

Сверкая мигалками и подвывая сиреной, машина «Скорой помощи» ворвалась во двор новой муниципальной больницы экстренной помощи города Ричмонд штата Вирджиния. Такие больницы появились после пандемии Ковид-19. Самое печальное (для властей США) было то, что большую часть времени они «проедали деньги бюджета». Хотя эта больница вовсе не простаивала: в ней постоянно принимали тех, кто не мог позволить себе медицинскую страховку. Помощь им, конечно, оказывалась в минимально необходимых пределах. Но

маргинальный контингент пациентов и не особо чуткое отношение врачей уже снискали подобным больницам дурную славу.

Два темнокожих медбрата вытащили носилки с пациентом, укутанным в термоодеяло. Лицо пациента было в крови, на губах пузырилась розоватая пена.

Навстречу санитарам вышел молодой врач – блондин, красивый, как ангел. В губах у ангела дымилась дешевая сигарета, пахнувшая плохим табаком и какой-то химией.

– Кого вы, черти, принесли? – поинтересовался доктор.

– Авария, – ответил один из санитаров. – На девяносто пятой вписался в отбойник, потом вылетел за ограждения, благо, место ровное.

– Сильно побился? – спросил врач.

– Да нет, – ответил санитар, видимо, тот, что был старше. – Пару ребер об руль сломал, морду раскроил, а больше ничего. Странно, что он без сознания. Может, что-то отбил?

– И давно он в таком состоянии? – уточнил врач.

– С того момента, как его нашли, – ответил медбрат.

– Странно, – зевнул доктор. – Везите его на панораму, посмотрим, что у него внутри.

И тут ожила система общего оповещения:

– Внимание, персонал, – сообщил приятный женский голос, – приготовиться к приему пациентов. Код – мейдей, Вашингтон, судя по всему, либо массовое отравление чем-то, либо, que la Sant?simas Virgen nos salve de esto, новая зараза. В Ди-си по больницам аврал, «Скорые» велели отправлять в окрестные штаты.

Доктор сплюнул:

– Ну, что за напасть! Раз в полгода – какой-нибудь вирус. И ведь лето на дворе, не зима. Боже, храни Америку, – он взглянул на санитаров, все еще стоявших рядом с ним, – и чего вы ждете, чаевых? Или чтобы он сдох, пока вы прохлаждаетесь? Забыли, где у нас панораму делают?

Санитары поспешили убраться, унося с собой пациента.

– Зарегистрировать его не забудьте! – крикнул им вслед доктор. – Документы-то у него есть?

Санитары не ответили.

У нового пациента документов не было. Машина, на которой он разбился, была взята в каршеринг по левому кьюар-коду – так делали многие. Смартфон пациента в ходе аварии разбился, превратившись в труху при ударе об руль.

И не только смартфон.

Если бы санитары знали, что именно они привезли в больницу...

Если бы доктор знал, провожая взглядом своих подопечных, что жить им осталось меньше недели.

Как и ему самому. Впрочем, как и большинству жителей города Ричмонд, штат Вирджиния.

?

Декабрь 2025 год

Тед Орлофф думал о ритуалах.

Почта давным-давно стала электронной. На его почтовый ящик ежедневно приходят сотни писем. Половина из них – счета. Другая половина – разного рода спам, реклама явная и скрытая. Впрочем, последнюю категорию отсеивает

специальное «сито» спам-фильтров, прорывается через него немного. Между спамом и спам-фильтрами идет нешуточная война, как между бактериями и антибиотиками.

Бр-р... плохое сравнение.

Иногда на почту приходит какая-то рассылка, на которую подписывался хозяин ящика. Порой по почте могут срочно сбросить черновик документа. Но все самое важное все равно передается на бумаге, хотя первая четверть XXI века закончилась.

Цифровая экономика? Интернет вещей? Ну-ну. А все важное по-прежнему доверяют бумаге.

Или, в данном случае, картону.

Тед порылся по карманам. Бумажник он не носил, только кредитницу.

Когда последний раз держал в руках наличные? А Бог его знает. Он же не мафиози. Честные люди расплачиваются кредитками.

Честных – большинство, так что наличный доллар, сильно подешевевший, но все еще являющийся одной из признанных мировых валют, в основном, ходил в слаборазвитых странах Африки и Юго-восточной Азии, где ему пока доверяли.

К счастью, у Теда завалилась сотенная. Он достал ее и передал курьеру.

– Надеюсь, там не сибирская язва? – улыбнулся он.

Курьер-афроамериканец ощерился во все тридцать два зуба:

– Если б там была сибирка, хрена с два я бы это повез, – сказал он. – Я себе не враг. И денег мне, кстати, не надо.

– А ты знаешь, что там? – удивился Тед.

Афроамериканец вновь продемонстрировал ряд прекрасных белых зубов:

– А то! Там приглашение. А вот куда – не скажу, это очень круто. Предлагаю ознакомиться лично. Можно в моем присутствии, если, правда, боитесь споров какой-то гадости.

– А откуда тебе известно, что в конверте, бро? – манера держаться у курьера нравилась Теду. Никакой наигранности, никакого внутреннего напряжения. Он, как хороший актер, играл роль... и Тед решил ему подыграть.

– А, так я не представился, – заметил курьер. – Меня зовут Скайуокер Браун, я студент Весткост Менеджмент, а главное – член «Стигма-три».

При этом темнокожий джедай стащил с левой руки перчатку, и продемонстрировал Теду перстень, на котором причудливо переплетались три греческие буквы стигма – не очень известные буквы, которые, как правило, не фигурировали в названии почетных обществ, или, как их называли, обществ греческих букв.

Именно поэтому четверть века назад молодой, бедный, но очень амбициозный югославский студент, до этого тщетно пытавшийся вступить в какое-то из почетных студенческих сообществ, выбрал их для своего собственного.

И у Теда был точно такой же перстень, правда, больше по размерам.

– А номер-то у тебя какой? – спросил Тед, широко улыбаясь.

– Триста восемьдесят один, – ответил Скайуокер. – А у Вас – тройка. Потому я к Вам и приехал – триста восемьдесят один равняется трем.

На каждом курсе членами «Стигмы-три» могли стать только восемнадцать студентов – потому, что из двух сотен однокурсников Гарри Фишер в свое время сумел привлечь только восемнадцать.

Тед был третьим, кто по приколу решил присоединиться к «древнему и почетному» обществу. Но с тех пор успел выпуститься уже двадцать один курс. А в двадцать втором потоке третьим членом общества стал Скайуокер.

Тед по-новому посмотрел на своего курьера – вступить в «Стигму-три» было непросто. Места в этом обществе не продавались, как в других. Ни деньги, ни связи – только сила личности, какой-то особый талант могли открыть двери в тайники «Стигмы-три». Но оно того стоило: кроме особой стипендии от самого Гарри Фишера (которую тот выплачивал, даже когда весь его бизнес лёг в глубокий нокдаун после авантюры с кометой), членство в обществе гарантировало связи, открывавшие двери в почти любые кабинеты, от Овального до закрытых совещательных комнат Пентагона, Лэнгли, Уолл-стрит...

Для таких, как Тед или Скайуокер это было равносильно тому, чтобы поймать за хвост золотую рыбку. Тед был уверен, что его курьер родом из какой-то дыры вроде Бронкса, или вообще откуда-то из штатов Скалистых гор. Он сам был из семьи русских эмигрантов с Брайтон-бич. Его отец не был никаким Орлоффом, он, наверное, даже Орловым не был – мать приехала в США уже беременной, и личность отца так и осталась для Теда, урождённого Федора Орлова, абсолютной загадкой. Мать носила прозаическую фамилию Рябец.

В принципе, американцам всегда было пофиг, Орлофф ты или Рябец – все равно, шансы куда-то пробиться и чего-то добиться у тебя были мизерные.

Но Тед пробился, добился, и в свои сорок семь был директором департамента в... Впрочем, не важно где. Он здоровался за руку с сенаторами, играл в гольф с конгрессменами, и иногда встречался на рождественском молебне в Белом доме с кем-то из «Стигмы-три». Но никогда не забывал, что для него сделало их почти шутовское тайное общество. И лично Гарри Фишер.

С самим Гарри он говорил лишь однажды с момента их выпуска.

Это случилось через пару месяцев после кометы. Тед взял чартер в Гаагу, где находился Гарри, арестованный по делу Ройзельмана. Он предложил Гарри своих адвокатов. Тот отказался:

– Не хватало еще, чтобы и ты замазался.

Тед настаивал, Гарри не уступал, наконец, Орлофф сдался и сказал, что, если что-то будет нужно, пусть Гарри обращается к нему непосредственно. А потом узнал по своим каналам номер его счета, и перевел туда шестьдесят миллионов юаней с одного из своих анонимных счетов. И искренне надеялся, что Гарри об

этом не узнает...

- И что же, все семнадцать встретятся со своими наследниками? - спросил он у Скайуокера.

- Кроме шестого, - кивнул тот.

- Ах, да... - Тед и забыл совсем.

Их номер шесть, Вальтер Пискорский, блестящий политик, баллотировавшийся в Сенат от Демократической партии, неожиданно покончил с собой. Почему - так и осталось тайной; слухов было много, но достоверной информации по этому делу не смог раздобыть даже Тед, хотя на свои источники он никогда не жаловался.

- Не будем о грустном, - заметил Скайуокер. - Если Вы не хотите, чтобы я присутствовал при вскрытии пакета, я, пожалуй, пойду...

- Постой, - сказал Тед. - У тебя мобилка с собой?

- Кто ж в наше время без коммуникатора? - Скайуокер закатал рукав, показывая браслет - последний писк смартфонной моды. - А что?

- Запиши мой номер, - сказал Орлофф. Скайуокер смутился, но, вызвав виртуальную клавиатуру, записал продиктованные цифры. - Скоро у тебя выпуск. Каким бы крутым ты не был, наверху будут видеть молодого афроамериканца с большими амбициями. А если «Стигма-три дробь три» скажет волшебное слово - предвзятый взгляд может измениться. Какого черта? Обязательно изменится. Ты знаешь, кто я, - Скайуокер кивнул, - знаешь, что значит мое слово. Будут затруднения - звони, только по пустякам не тревожь. Сначала попытайся сам, а не получится - вот тогда и звони.

- Очень Вам обязан, - кивнул афроамериканец. - Я... простите, я пошлю Вам эсэмэс, возможно, и я Вам чем-то пригожусь?

- Деловой подход, - согласился Тед. - Ну, давай. В стране, откуда я родом, говорили: молодым везде у нас дорога.

– Старикам везде у нас почет, – на «фонетическом» русском ответил Скайуокер.

Тед улыбнулся:

– А ты неплохо подготовился! Двигавай давай, шлимазл! Бывай здоров!

– И Вам не хворать, – кивнул посыльный, спрыгивая со ступеней крыльца на глайдер. – Кстати, мы с Вами еще встретимся, если Вы примете предложение.

«Предложение?» – Тед провел взглядом удаляющегося курьера, и поспешил в дом – ему не терпелось узнать, что новенького придумал Гарри. Он всегда был таким фантазером... порой это подводило его под монастырь, как в случае с Ройзельманом, но, в целом, оправдывало себя.

?

Январь 2026 год

Борис Койн был доволен собой.

Родители Бориса были стоматологами. Они всегда стремились дать сыну главное в жизни, с их точки зрения – хорошее образование. А Боря любил своих папу и маму, старался их не огорчать, потому учился прилежно, прямо скажем, от души.

Учиться хотелось не всегда. Иногда его тянуло к другим ребятам, в компанию. Но Боря делал над собой усилие – и возвращался к наукам, особенно к своим любимым – биологии и химии. Химия и биология давались ему легко.

После школы его звезда засияла ярче. Сначала бакалаврат и пре-мед в Университете Нью-Гемпшира, сданные с первого раза на очень высокий балл. Потом медицинская школа со стипендией. Затем резидентура. Но еще в медицинской школе его заметила одна из солидных, уважаемых корпораций – «Вита Нова», основанная выходцем из Европы Гарри Фишером.

Фишер был уникален – поднявшись с самого низа, он основал транснациональную корпорацию «Фишер групп», привлек на свою сторону опального гения, Льва Ройзельмана, но дал ему чересчур много свободы. В результате Ройзельман едва не подвел Фишера под монастырь, а «Фишер групп» обанкротилась. После такого удара другой бы уже не поднялся, но не Фишер.

А Гарри Фишера это не сломило, хоть и подорвало ему здоровье. Он из пепла возродил свою компанию, и, уже под новым названием, она отвоевала свой сегмент на рынке кибернетического протезирования и сложной генно-инженерной фармакологии. В частности – структурных наноботов, разработкой которых как раз и увлекся Борис.

Боря рассчитывал привлечь внимание босса, даром, что их разделяло много ступеней пирамиды «Вита Нова». Борис Койн находился в самом низу. Гарри Фишер – на сияющей вершине. Их объединяла разве что принадлежность к почетному обществу «Стигма-три», бессменным Президентом которого являлся как раз Фишер.

Борис не пытался как-то рекламировать себя. Он работал, пытаясь привлечь внимание своими успехами, при этом зная, что его достижения буквально пожирало его непосредственное начальство. Но он верно оценил своего работодателя. С Фишером он даже не встречался, но, в один прекрасный день, его бывший непосредственный руководитель оказался его подчиненным. Продлилось это, правда, недолго – Борису выделили собственную лабораторию и собственный фронт работ.

Весьма интересный фронт работ, между прочим.

Борис был ученым, и никогда, действительно, не задумывался над этической стороной того, что делает. Он, как доктор Франкенштейн на наноуровне, созидал жизнь из мертвых частей. Борис строил наноботов – квазиживые организмы, выполняющие определенную функцию. Его шедевром был разработанный «Вита нова» «убийца зубных щеток» – нанофаг, живущий в ротовой полости и очищающий ее от остатков еды.

Крохотный прожорливый робот с нехитрым именем ТВК стал триумфом; вместе с тем, Борис постоянно его совершенствовал.

За ТВК последовали другие, например, наноботы, очищающие вдыхаемый воздух. Гадости в воздухе мегаполиса хватало, и «модельный ряд» этих крохотных помощников респиратора постоянно расширялся.

С ТВК началась еще одна история, которой суждено было закончиться очень плохо.

Это выглядело как невинный эксперимент – создание кариозного вируса, способного преодолеть защиту «убийцы зубных щеток». Борис, конечно, справился. Потом образец «супер-кариеса» куда-то исчез, а через какое-то время инфекция стала распространяться в штатах «ржавого пояса». Пришлось дорабатывать ТВК под новые реалии.

Если бы Борис задумывался о моральных аспектах своей деятельности, возможно, он бы задался вопросом, как связаны между собой пропажа его наработок и внезапно вспыхнувшая квазиэпидемия.

Остолопом Койн не был, и прекрасно понимал, что это не совпадение. Но ему было все равно. Новая версия ТВК защищала и от этой напасти. А его труд хорошо оплачивался.

Рыбка заглотила наживку. Очень осторожно Борису стали давать новые задания. Разработать («в целях эксперимента») вирус, устойчивый к какому-то противовирусному препарату. А потом доработать сам препарат для борьбы с этим новым вирусом. Или создать более эффективный. Или нового нанобота – убийцу для этого вируса. Сначала сделать яд, потом противоядие.

За новостями Борис не следил, но, если бы даже узнал, что некоторые из его разработок убивали людей, не особо удивился бы – мало ли что? Жизнь – это большая лотерея. Кто-то вытянул несчастливый билет...

К тому же у Бориса хватало других поводов для беспокойства. Работа была, фактически, его жизнью, и часов досуга было не так много. Потому проводить этот досуг Борис желал с максимальной эффективностью. С максимальным выбросом адреналина.

Он стал играть, и иногда проигрывал довольно много. Еще он решил отомстить за унижения школьных лет, и соблазнил отвергавших его одноклассниц – так,

ради мести, не считаясь ни с тратами, ни с их общественным и семейным положением. Просто потому, что имел такую возможность.

За это однажды его избил до полусмерти один из мужей бывшей одноклассницы. В полицию Борис обращаться не стал, а вернувшись на работу – сострепал очень эффективный (и потому не имеющий шанса распространиться после применения) вирус-убийцу, вызывавший сильные мучения.

Патологоанатомы были шокированы и сбиты с толку.

Борис слушал по интернету рассуждения о тупиковых мутациях вирусов и скромно улыбался.

Жизнь Бориса постепенно зашла в какой-то мрачный коридор. Была работа – любимая, но отнимавшая много времени и сил. Были идеи, не востребованные начальством.

Борис хотел чего-то нового, феерического – вместо этого его ждала привычная рутина в цикле «новый вирус – новый противовирусный препарат». Или не вирус, а, скажем, бактерия.

Две супербактерии, созданные им, навели шороху. Одну из них ему позволили «открыть», и даже назвали в его честь – *Klebsiella Koheni*. Но это уже не радовало...

С другой стороны – у Бориса оставалось мало свободного времени, и в это ограниченное время ему хотелось получить максимум новых ощущений, максимум эндорфинов. Он хватался за разные увлечения, порой, весьма экстремального свойства и часто не совсем законные.

Все это требовало денег. Платили Борису хорошо, но ему все равно было мало. Появились долги. Борис пытался работать больше, для этого подсел на амфетамины. Доходы выросли, но возросших потребностей не покрывали.

Борис начал чувствовать классовую ненависть. Прежде всего, он возненавидел своего работодателя. Борису казалось, что тот живет за его счет. Что, если бы не его работа, у Фишера не было бы ни таких доходов, ни такого положения.

Отчасти это было правдой, но лишь отчасти.

И тут Борису улыбнулась удача.

Началось все с того, что Гарри лично появился у него на горизонте, и попросил Бориса поработать над одним файлом.

В файле содержалась методика создания... чего-то. Борис в начале даже не понял, чего именно. Он расспросил Фишера, и тот сказал, что это – препарат, стимулирующий иммунную систему человека.

– Лекарство от СПИДа? – предположил Борис.

– Может быть, – ответил Гарри. – А, возможно, и не только от него.

Записи были спутанными, для того, чтобы понять какой-то фрагмент, приходилось возвращаться в начало, а потом, со следующими фрагментами, становилось ясно, что ты все понял неправильно.

Борис не удержался, и попытался синтезировать описанное, используя генетический материал своих клеток. Получилось нечто, похожее на вирус, но...

Чем больше Борис исследовал то, что получилось, тем больше понимал: это не просто вирус. Это нечто новое, совершенно непонятное.

Через неделю он доложил Фишеру:

– То, что получилось в итоге – это революция в микробиологии. Я назвал эту вещь Янус, поскольку данный, хм... объект имеет два лица.

– Это как? – не понял Фишер.

– В «прямом положении», – сказал Борис, – этот микроорганизм перезапускает иммунитет человека путем стимулирования вилочковой железы. Но он не просто ее стимулирует, он перепрограммирует всю иммунную систему. По сути, обновленный тимус насыщает кровь «продвинутыми» Т-лейкоцитами. Все функции их я еще не выяснил, но уже знаю – не только СПИД, но и многие, если

не все формы рака и аутоиммунных заболеваний полностью купируются этим препаратом.

- Даже так, - сдержанно сказал Фишер.

Борис был не впечатлен его реакцией - по его мнению, подобное открытие тянуло на Нобелевку. Поэтому он вынул из рукава еще один козырь:

- Я не проверял это клинически, - сказал он, - но, по теоретическим выкладкам, подобные «продвинутые» лимфоциты способны вызвать регенерацию тканей, и даже обратить вспять процесс старения!

- Это... впечатляет, - согласился Фишер. - Мне нужна полная расшифровка Вашей работы. Вы, наверное, уже мысленно представили себя нобелевским лауреатом?

Борис смущенно кивнул.

- Рано, - охладил его пыл Гарри. - Хотя Нобелевка от нас никуда не убежит. Но до нее - как отсюда до Лос-Анжелеса на четвереньках. Нужны клинические испытания, нужно серийное производство препарата. Сами понимаете, это огромные затраты...

Он побарабанил пальцами по столешнице:

- Я буду искать нам спонсора. Для этого мне и нужны выкладки. Но Вы, кажется, что-то говорили о второй стороне медали?

- Так и есть, сэр, - ответил Борис, - хотя это я еще не исследовал. У нас есть необходимое оборудование, в «Красной» зоне, но, все равно, я опасюсь....

- Чего? - спросил Фишер с интересом.

- Видите ли, - пояснил Борис, - достаточно поменять в вирусе ДНК на РНК, и мы получим идеального убийцу. Как СПИД, только хуже, потому, что его невозможно остановить. Он тоже берет под контроль тимус, но заставляет его вырабатывать вместо иммунных клеток клетки - убийцы. Плюс своих клонов - в

отличие от ДНК-версии, этот Янус стремится заражать других, если так можно выразиться. Пока все это в теории, но появление этих «анти-Т-лимфоцитов» может вызвать что угодно – разной этиологии рак, весь букет аутоимунки, мутацию микрофлоры и микрофауны организма...

– А вот это уже интересно, – заметил Фишер. – Дайте-ка мне все Ваши наработки и по этой части.

– Сэр, – сказал Борис, – я, конечно, все дам, но хочу предупредить – мне кажется, это чудовище лучше держать в пробирке. У обоих лиц Януса очень большая комплиментарность к человеческому организму. Если учитывать, что РНК-версия может передаваться воздушно-капельным путем, заражаемость будет буквально ураганной. Плюс к тому, вирион очень стоек, он может жить автономно около ста пятидесяти дней. А в организме животных – переносчиков – чуть больше года.

– Кстати, Вы сказали, что вирус комплиментарен к человеческому организму, – сказал Фишер. – А к животным?

– Я не проверял на всех, – ответил Борис, – но крысы им не болеют, хотя и переносят. Как с другими видами – понятия не имею. Нужны деньги и исследования.

– Будет Вам и то, и другое, – заверил его Фишер, – что угодно: кошки, кролики, дельфины, шимпанзе. Даже поросята из человеческой ткани, любой каприз. Я найду деньги для этого проекта.

?

Январь 2026 год

Марк Кушнир ослабил тугий узел галстука. Он ненавидел галстуки, и мог бы совсем от них отказаться, но... уже привык. Потому он с ненавистью повязывал галстук, с ненавистью его снимал, постоянно теребил его, но все равно не избавлялся от этой удавки.

Щелкнув пальцами, он активировал связь со своей помощницей:

- Энн, у Вас все готово?

- Да, сэр, - ответила Энн.

Она обладала почти модельной внешностью, и от моделей отличалась, по мнению Марка, в лучшую сторону, за счет хорошо очерченной груди почти четвертого размера.

Энн волновала Марка, но, увы - ее саму мужчины не интересовали от слова «совсем», а Марк не хотел портить отношения с прекрасным специалистом банальным харасментом.

Потому, что Энн была действительно хорошим фондовым аналитиком. В ее белокурой головке обитал по-мужски острый и бескомпромиссный ум, не отягощенный при этом иллюзиями, присущими прочим фондовикам. Поэтому единственный анализ рынка, которому Марк доверял, кроме своего, был ее авторства.

Особо умиляло то, что Энн обладала бархатистым, детским голоском, совершенно не подходящим для того, что она говорила. От общения с Энн Марк получал и эстетическое, и интеллектуальное удовольствие. Ее доклады были проверочным камнем для его собственной оценки.

- Зайдите ко мне, - сказал Марк.

Через сорок секунд Энн уже стояла у него на пороге - стройная, одетая в целомудренный бежевый костюм и элегантные туфли - лодочки, и единственными легкомысленными деталями ее облика была брошка в виде летящей на метле ведьмы и розовые тонированные прядки ее от природы светлых волос. В руках у Энн была скромная кожаная папочка с одним-единственным листиком кибербумаги на котором был ее отчет.

Даже не увидев этот отчет, Марк мог уверенно сказать, что он был самым достоверным анализом рынка, после его собственного, конечно.

– Проходи, садись, – сказал Марк, указывая на удобное кресло у стола. – Бумагу я сам потом посмотрю, хочу послушать твою оценку. Ты думаешь о том же, что и я?

– Полагаю, да, сэр, – сказала Энн. – Это очевидно для всех, кто имеет глаза. Данные за декабрь показывают, что чуда не произошло.

– Наши дураки так не считают, – заметил Марк. – Они носятся с экономическим ростом, как дурень с писанной торбой.

– Рост есть, – кивнула Энн, – но этот рост, как и сентябрьский, только за счет повышения деловой активности на фондовой бирже. ФРС опять выкупает активы своих компаний по завышенным ценам. Их капитализация растет, но чисто математически.

– Она последние десять лет растет математически, – заметил Марк. – А что по факту?

– Структурные проекты встали, в буквальном смысле, – сказала Энн. – Строительные компании сыты завтраками по горло, реальных денег они не видели уже полгода. Капитальное строительство лежит в нокдауне, переходящем в нокаут. Падение грузоперевозок продолжилось, правительство Грэма попыталось стимулировать ее, отправляя танкеры с биодизелем в Латинскую Америку и закупая обратным ходом русскую нефть в Венесуэле. Какое-то время это работало, но недолго. Сейчас в пути три танкера, остальные стали бункеровщиками в портах мексиканского залива – разгрузку и транспортировку нефти нечем оплатить.

– Да, и старина Кэррингтон продает венесуэльскую нефть на аукционах, – кивнул Марк. – Но покупателей нет, и «Тексас Петролеум» вот-вот объявит о частичном банкротстве.

– Это точно? – спросила Энн, делая какие-то пометки в своем облачном блокноте, который вызвала сразу, как только грациозно присела за стол Марка.

– Это инсайд, – сказал Марк. – А что по электроэнергии?

Он и сам знал, что происходит во всех сферах.

Марк имел имплантированный в мозг чип, связанный с интернетом. Программа чипа постоянно следила за курсами, котировками, отчетностью компаний – и транслировала это Марку прямо на подкорку. У Энн был точно такой же чип, такие же имели и многие другие «волки Уолл-Стрит». Марк считал, что, если бы они их себе засунули, хм... в задний карман джинсов, толку было бы столько же.

– Декабрьское потребление упало, – проворковала Энн. – Лоббисты в панике, сегодня сенатор Шот выступал перед избирателями...

Марк некстати вспомнил, что Данте Габриэль Шот был его однокашником, и даже входил с ним в состав почетного общества... как давно это было? В те годы Марк наверняка подкатил бы к Энн, и плевать на харрасмент, на ориентацию, и все такое...

– ...и сказал, что сегодня США генерирует столько же электроэнергии, сколько Нигерия или Камерун. Или Алтайский Край России. Наши мощности стоят. На достройку первого термоядерного реактора нет инвесторов, потому, что выработанное электричество некому продавать. А в России таких уже шесть, в Китае – три, включая самый мощный в мире реактор в провинции Хубэй.

– Сделаем Америку снова великой, – фыркнул Марк.

– Про выступления мэра Нью-Йорка рассказать? – спросила Энн.

– Не надо, – ответил Марк. – И так тошнит. На работу на вертолете летаю. Ты как домой добираться?

– Вы мне неплохо платите, – заметила Энн. – Беру аэротакси.

– Молодец, – похвалил ее Марк. – А что у нас с запусками спутников? Когда ожидается шестой «Фалкон»?

Пискнул селектор. Марк раздраженно щелкнул пальцами.

– К Вам посетитель, – сообщила темнокожая секретарша.

Марк ее не любил – недостаточно сообразительная. Но заменить не мог – нанял ее по квоте.

– Кто? – спросил Марк. – С какой целью?

Секретарша ответила не сразу, должно быть, задала те же вопросы гостю.

– С личным посланием, – наконец-то, сказала она. – Которое хочет передать лично Вам.

Странно...

– Секьюрити послание проверили? – уточнил Марк. – А то вдруг там бомба?

Он ожидал, что секретарша начнет уточнять у секьюрити, проверили ли они послание, и даже удивился, что она сразу ответила:

– Конечно, проверили. Там только картонный адрес, – и девушка несолидно хихикнула.

Марк ее понимал: с ее точки зрения, картонка в конверте – дикий архаизм.

У него точка зрения была другая.

– Пусть войдет, – сказал он, быстро глянув на Энн.

Та приподнялась:

– Мне уйти?

– Остайся, – сказал Марк, выключив селектор. – Это много времени не займет, а нам есть, что обсудить.

Марк ожидал, что войдет курьер – латинос или азиат. Вместо этого, когда двери открылись, на пороге появилась хрупкая рыжеволосая девочка с внешностью

балерины. Марк любил балет, и с удовольствием смотрел его в интернете. Европейский, конечно, американский толерантный, читай – гомосексуальный балет – его не вдохновлял.

Марк отметил, что Энн зыркнула на посылную с интересом. Он ее понимал, хотя лично у него эта девочка какого-то сильного восторга не вызвала. В ней было что-то андрогинное, хотя и с тоном женственности.

– Что там у Вас? – спросил Марк.

Энн чуть откинулась в кресле и немного повернулась – чтобы лучше видеть вошедшую.

– Послание, – ответила девушка, скромно хлопнув глазками. В руках она держала конвертик.

– Энн, возьмите, пожалуйста, – попросил Марк.

Он знал, что Энн будет это приятно. Его помощница поднялась с кресла; ее движения изменились, в них появилась какая-то особая, хищная грация. Она подошла к девочке довольно близко, и взяла у нее пакет, слегка коснувшись ее ладони своими пальцами. Ноздри Энн чуточку дрогнули, словно она принюхивалась к чему-то.

Марк, наблюдая за ассистенткой, почувствовал, что возбужден.

Немного, но совсем чуть-чуть, замедлив, Энн передала пакет Марку и опустилась в кресло.

– Мне подождать, пока Вы ознакомитесь с содержимым? – спросила посланница.

Марк рассеяно кивнул, и распечатал пакет. Давненько ему не приходилось этого делать!

В пакете была только картонная открытка, на передней части которой оказался выполненный золотым тиснением герб – три переплетенные редкие греческие буквы стигма в лавровом венке.

Энн вздохнула.

- Что, Энн, вспомнили альма-матер? - улыбнулся Марк.

- А Вы тоже из «Стигма-три»? - удивилась девушка-курьер.

- Тоже? - с интересом прищурилась Энн.

- Ну, да, - кивнула девушка. - Я - триста восемьдесят пятая, а Вы...?

- Ай-яй-яй, - ласково улыбнулась Энн, - Ну, как не стыдно? Первая женщина - единица, номер триста семь, неужели так трудно узнать?

- Ой... - покраснела посланница. - А Вы так изменились!

- Постарела? - нахмурилась Энн.

- Что Вы, что Вы, - поспешила возразить девушка. - Вы... не знаю, как сказать, вы сейчас просто как королева! Раньше Вы, простите, выглядели проще. А теперь...

Пока шел этот обмен любезностями, Марк прочитал адрес.

- Забавно, - сказал он. - Это приглашение. Нас всех, первый выпуск, приглашают на борт супер яхты нашего номера один. Причем, приглашение на двоих, хотя жены у меня нет.

За двадцать пять лет, прошедших со дня выпуска, Марк так ни разу и не был женат. Он предпочитал не связывать себя отношениями, разрыв которых мог бы вызвать судебные тяжбы. Этого добра ему и на работе хватало.

- Как сказал мистер Фишер, альфа и омега, - подтвердила посыльная. - Он хочет собрать первый и последний на сегодняшний день выпуск «Стигма-три», чтобы отпраздновать юбилей создания общества.

- То есть, - спросил Марк, задумавшись, - ты тоже там будешь?

– Да-да, – подтвердила девушка.

Марк размышлял.

Предложение Фишера нельзя было отклонить ни в коем случае. Не потому, что это было «предложение, от которого нельзя было отказаться», вовсе нет. Но если тебя приглашают в отель возле города Арнем в Нидерландах в мае или июне, не поехать туда было бы глупостью большей, чем преступление.

Гарри Фишер, этот смешной маленький еврей из нищей югославской республики хотел доказать всему миру свою крутизну – и доказал. Даже недавняя катастрофа с одним из его любимчиков, Львом Ройзельманом, если и повредила ему, то не фатально. Гарри имел связи в самых высших эшелонах власти – и государственной, и, что более важно, глубинно-государственной.

Каким-то дьявольским способом ему удалось связать с собой всех, и если, как полагают конспирологи, существует «тайное мировое правительство», то оно точно привязано за ниточки, тянущиеся к ухоженным пальцам его однокашника...

– Вот что, Энн, – сказал Марк, задумчиво побарабанив пальцами по столешнице. – Я мог бы отправиться туда один...

Энн тут же сделала пометку в своем облачном еженедельнике – шеф с шестого июня по шестое июля будет в отпуске. На зрение она не жаловалась, и дату подсмотрела в приглашении. Впрочем, Марк и не думал прятать от нее текст, написанный от руки на обратной стороне картонки.

– ...но, раз уж приглашение на двоих, – продолжил Марк, – возможно, Вы составили бы мне компанию? В «Стигма-три» Вы не чужая...

– С удовольствием, – кивнула Энн, бросив быстрый взгляд на посланницу, скромно стоявшую у стола.

Марк мысленно улыбнулся. Ничто человеческое нам не чуждо? Тем лучше.

- Тогда... - Марк обратился к девушке, принесшей письмо, - простите, Вы не представились.

- Цирцея, - ответила девушка, смутившись, - Цирцея Адамс.

- Из Адамсов Фи Бета Каппа? - переспросил Марк.

Цирцея кивнула.

- Но почему же Вы...

- Простите, - тихонько перебила его Цирцея, - но мне не хотелось быть как все остальные Адамсы моей семьи. Я - это я, а мой выбор - это мое личное дело.

- Разумно, - тихо сказала Энн, и Марк заметил, что она делает еще одну пометку в блокноте.

Интересно, какую?

?

Февраль 2026 год

Борису улыбнулась удача.

Удача ему, точнее, им с Фишером, улыбнулась в виде большого заказа от... лучше не говорить, от кого.

Обратный адрес почтовых сообщений, содержащих требования и уточнения по новому заказу, знающим людям говорил о многом.

«Фредерик, штат Мэрилэнд» - это Форт Детрик, главная биологическая лаборатория США.

После скандала с пандемией двадцатого, когда международная следственная группа ООН вышла на контракты Правительства США по разработке знаменитого COVID-19, правительственные биологические лаборатории находились под жестким международным контролем, но частные транснациональные корпорации по-прежнему были свободны в своих действиях. Поэтому заказ оказался у Фишера (его «Вита Нова», к тому же, была зарегистрирована не в США, а на Британских Виргинских островах).

– Вот, теперь мы заработаем, – сказал Гарри Борису, довольно сложив пальцы домиком. – Достаточно, чтобы запустить производство нашего препарата.

– А в чем суть? – спросил Борис. – Что нужно делать?

– Нужно произвести пять сотен доз Януса-РНК, – спокойно сказал Фишер. – И около сотни Януса-ДНК, на всякий случай. А еще – разработать и передать военным всю необходимую документацию – регламенты по производству, применению, технике безопасности.

– Они собираются использовать Янус, как оружие? – спросил Борис.

Гарри кивнул.

– Простите, сэр, но ведь это небезопасно! Одно дело – выпустить в каком-нибудь Канзасе массачуссетскую болотную чесотку и продавать против нее антибиотики...

– Догадались? – в голосе Фишера, впрочем, не было ни тени удивления. – Борис, не мы первые, не мы последние. Вирус СПИДа создали в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в Форт-Детрике, об этом не знает только ленивый и нелюбопытный. Потом, в семидесятых, штамм вируса приобрел институт Уинстара в Филадельфии – они хотели подавлять иммунитет лабораторных животных, чтобы лучше понимать механизмы ряда болезней, того же полиомелита. Потом – это уже секретная информация, один из фондов провел ряд экспериментов с мутировавшим во Флориде штаммом на людях. И пошло-поехало, до сих пор справиться не можем.

– Теперь сможем, – сказал Борис. – Янус-ДНК справляется со СПИДом, не излечивает, но исправляет последствия. Я думаю над гибридом – Янусом-ДНК с

рибонуклеиновыми щупальцами, чтобы он мог расправляться с вирусами, проникшими в организм. Пока не получается, правда.

– Отличная идея, – поддержал его Фишер. – Деньги на реализацию у нас будут. Кстати, о деньгах. Вы же не думаете, что я не учитываю Ваш интерес? Я специально договорился с военными – по окончании работы они лично Вам выпишут премию в полмиллиарда долларов.

– Ух, здорово, – обрадовался Борис. Доллар, конечно, сильно просел, но полмиллиарда равнялись примерно полусотне докризисных миллионов. Солидный куш. – В смысле, спасибо, сэр, я и не рассчитывал...

– Всегда надо рассчитывать, – заметил Фишер. – Не в деньгах счастье, но без денег и счастья нет. Вы сами видите, как много для нас значит финансирование. Думаете, я не содрогаюсь от мысли, зачем военным нужен наш Янус?

– Они, по крайней мере, не собираются его применять? – спросил Борис. – Пятьсот доз хватит, чтобы Земля стала совсем безлюдной. Даже пятидесяти хватит...

– А пяти? – уточнил Фишер.

– Пяти хватит, чтобы безлюдным стал Китай, – ответил Борис. – У Януса есть одна проблема – он имеет короткий период воспроизводства, всего дней десять. То есть, гипотетическая эпидемия, считая четыре цикла заражения, будет длиться сорок дней. Еще столько же продлятся «афтершоки». Потом придется год избегать любого контакта с животными – сами они не болеют, но остаются носителями. В принципе, карантинные мероприятия при наличии пяти – десяти очагов могут дать какой-то эффект. Если очагов будет больше...

– ...но мы военным этого не скажем, – перебил его Гарри. – Чем больше у них заказ – тем ближе день, когда Вы получите Нобелевскую премию...

– Мы, – поправил его Борис. – Я считаю, что Ваш вклад в это открытие, как минимум, равен моему. И еще – а разве тот человек, на чьи записи я опирался, не заслуживает...

Лицо Фишера стало каменным:

- Этот человек мертв, - сказал он. - Он был гением, вроде Вас, но при этом - и безумцем. Безумие сгубило его. Поэтому, ради всего для Вас святого, никогда не упоминайте этих записей.

- Почему? - удивился Борис.

- Потому, - вздохнул Фишер, - что человечество, по сути своей, недалеко ушло от того, что мы называем мрачным средневековьем. Оно держится за свою пошлую мораль, как дурак за писаную торбу. Оно не способно переступить через эту мораль ради прогресса.

Мы используем баллистические ракеты, разработанные нацистским преступником Вернером фон Брауном, и ездим на автомобилях другого преступника - Порше. Мы пьем Фанту, придуманную компанией «Кока-Кола» для вермахта, и носим костюмы от Хьюго Босс - главного модельера Третьего Рейха, но стоит нам упомянуть о том, кем были эти люди - мы стыдливо отводим глаза.

Мы называем Менгеле безумцем и содрогаемся от описания его опытов, но западная медицина в части знаний о пределах физиологических возможностей организма построена на его экспериментах. Никто не говорит об этом, и Вы не говорите, благодаря кому сделали это открытие. Разве Вам не хочется стать единоличным обладателем этого научного прорыва?

- Нет, - сказал Борис. - Я не могу укрыть от мира то, что это открытие я сделал благодаря Вам, и не стану это скрывать. А поскольку я не знаю имени автора этих записей, будем считать, что этот автор - Вы.

- Разумно, - понимающе улыбнулся Фишер.

?

Февраль 2026 год

Командующий недавно восстановленным Вторым флотом США адмирал Алек Дэвидсон не боялся высоты и любил открытые пространства.

Теоретически, крохотный балкончик, на котором он стоял, не был предназначен для постоянного присутствия личного состава. Располагался он на высоте семнадцати метров над уровнем палубы, прямо над ним нависала фазированная антенная решетка локатора. Но Алек любил этот полускрытый крылом рубки мостик.

Здесь флотская служба ощущалась буквально кожей, которую не щадил порывистый ветер, когда его флагман – новенький, с иголки, атомный авианосец «Энтерпрайз», четвертый и последний из серии авианосцев, типа «Гарри Трумэн», на полном ходу шел в сердце авианосной ударной группы второго флота.

Собственно, эта группа и была вторым флотом; вторая АУГ во главе со старичком «Теодором Рузвельтом» постоянно находилась в Норфолке, и состояла из кораблей, в той или иной мере не боеготовых. Но Алек не переживал по этому поводу. В северной Атлантике у русских тоже была только одна современная ударная группа, а вторая не выходила из акватории северных морей. Случись война – бой будет честным.

А в исходе сражения один-на-один Алек не сомневался. Русские – крутые ребята, но и он не гражданин Непала. Его корабль унаследовал от своего предшественника, первого в мире атомного авианосца не только имя, но и девиз – «Первый из лучших». И этот девиз очень хорошо подходил самому Алеку... хотя были времена, когда он был не первым, а просто одним из лучших.

Об этом ему напомнила радиограмма, которую он получил вечером:

«Норфолк – Дэвисону. Ожидайте прибытия частного грузового борта на авианосец. Груз борта – подарки для экипажа в честь Президентского дня. Бенефициар – почётное общество «Стигма-три». Адмиралу – личное послание. Вылет одобрен COMUSFLTFORCOM и Министром Обороны. Отбой».

Конечно, подобная практика была не нова, различные благотворительные общества постоянно присылали подарки для флота и на отдельные корабли, но важно было не это, а то, кто был даритель.

До поступления в Военно-морскую академию Алек учился в Весткост Менеджмент.

Вернее, не так. Ему не удалось поступить в Академию, и добрые люди посоветовали ему Весткост. Ему было обещано, что диплом этого учебного заведения «откроет все двери и ускорит его карьеру, как трамплин».

Так и вышло – те, кто раньше воротил нос от сына мормона из Юты, с превеликим удовольствием принимали его же в роли выпускника Весткост, а, узнав, что тот состоял в обычном, в общем-то, обществе греческих букв «Стигма-три», начинали буквально рассыпаться вокруг него мелким бесом.

Алеку это не нравилось; он не хотел триумфального шествия по кабинетам. Алек любил флот, и пределом его мечтаний было вот это – рубка самого большого в мире авианосца, окруженного почтенной свитой из кораблей охранения.

Но Алек понимал, какую роль сыграла «Стигма-три» в его жизни. Без той метки, что осталась в его личном деле после того, как Фишер объявил его «номером семь» в первом поколении «Стигма-три», его карьера медленно ползла бы вверх, и сейчас он бы, в лучшем случае, командовал каким-то из «Берков» или соединением LCS, а не целым флотом. Но с этой волшебной пометкой его продвижение по службе неудержимо устремилось вперед, подобно российской гиперзвуковой ракете «Циркон», обгоняя и оставляя далеко позади медлительные «томахоки» тех, кто кого-то-то с поддельным сочувствием втайне радовался тому, что Алек не попал в Академию с первого раза...

Адмирал понимал, что борт был зафрахтован, конечно, не ради каких-то там подарков. Как правило, готовили их заранее, и передавали кораблями снабжения.

Значит, подарки – это попутный груз, а основное – это послание.

В наш век Интернета передача послания через фельдъегеря была не анахронизмом, как мог бы подумать человек сугубо штатский, а показателем важности и секретности передаваемой информации.

Алек знал, что такое возможно. Даже разбитый insultом, даже будучи фигурантом международного уголовного дела, Фишер оставался ключевой фигурой мировой политики, куда более важной, чем многие из тех, кого привыкли считать тяжелыми фигурами на «великой шахматной доске». Тем более – теперь, когда Гарри почти восстановил свое положение. Обвинения с него были сняты (во многом, благодаря показаниям самого Алека, четко засвидетельствовавшего в суде непричастность Фишера к действиям Ройзельмана: показаниям флотского офицера, данным под присягой, суд поверил безоговорочно, с учетом кристальной репутации адмирала Дэвидсона). С insultом Гарри тоже справился, и даже сумел преодолеть частичный паралич, приковавший его к коляске.

И вот, теперь он передавал адмиралу личное послание, и это не столько тревожило, сколько интриговало. Что там может быть такого важного, что для этого пришлось гонять транспортный борт из Норфолка?

Идей на сей счет у адмирала не было, и он предпочел не строить догадок. В догадках нет никакого смысла, если не знаешь точно. Получим информацию, а там посмотрим.

То, ради чего адмирал вышел на балкон, тем временем, приближалось с запада. Первым его заметило «летающее око» – палубный самолет ДРЛО на базе конвертоплана «Оспри», патрулировавший впереди по курсу флота. Затем он вошел в поле обзора локаторов пары «Берков» из арьергарда, а уже потом появился на экранах радаров самого «Энтерпрайза».

Если бы это был вражеский самолет, его бы уже триста раз успели сбить, и на радаре авианосца он даже не появился бы. Но борт добросовестно отвечал на все запросы, потому его беспрепятственно пропустили в глубину ордера, мимо стремительных «Берков», пожилых, но крепких «Тикондерог», мимо могучих, но капризных громадин «Зумволтов».

Дэвидсон уже видел на горизонте крохотные огоньки, и они сказали ему, что летит «Корова» – транспортная версия все того же «Оспри».

Адмирал потягивал сигару и ждал.

«Корова» прошла над полетной палубой, на ходу разворачивая гондолы двигателей и превращаясь в подобие вертолета. В какой-то момент она чуть завалилась на бок – несинхронность поворота гондол, типичный недостаток «Оспри», у «коров» еще более обострившийся, но затем выровнялась, и осторожно опустилась на палубу, накрыв своей тушкой разметку с буквой Н – посадочную площадку вертолета.

«Хороший пилот», – подумал Алек.

Его собственные «Оспри» на эту площадку не попадали, да от них этого и не требовали – все-таки, конвертоплан – не вертолет.

Чтобы совершить такую посадку, требовалась железные нервы, хотя, казалось бы, «корова» – не истребитель и даже не штурмовик. Раньше этот тип самолетов вообще садился на авианосец с пробегом, как обычный самолет, только стартовал вертикально...

Тем временем, в борту летательного аппарата открылся прямоугольный люк, и на палубу выпрыгнул пилот.

Несмотря на летный комбинезон, фигура пилота показалась Алеку слишком субтильной.

«Курсант, что ли?» – подумал он. – «Наверное; пилот остался в кабине, а это посыльный. Взяли вторым пилотом, заодно и подучится».

Он выбросил окуроч сигары в утилизатор и вернулся в рубку, откуда спустился в свой салон. Посыльного должны были провести туда.

Алек успел удобно расположиться в кресле прежде, чем двери салона открылись, и дежурный уорент-офицер провел прибывшего внутрь. Вернее, прибывшую – пилотом оказалась девушка.

– Адмирал Дэвидсон, сэр? – спросила она.

– Так точно, – ответил Алек, вставая. На летном комбинезоне девушки никаких знаков различия не было. – С кем имею честь?

– Я частное лицо, сэр, – сообщила девушка. – Меня зовут Мэри Джон Меткалф, я заканчиваю Весткост Менеджмент и состою в «Дельта-три», номер триста восемьдесят семь.

– Почему Вы без сопровождения? – удивился Алек. – Гражданские лица могут находиться на борту корабля только в сопровождении представителей флотского командования.

– Я получила необходимые разрешения в штабе флота, сэр, – ответила Мэри. – Могу показать Вам их на коммуникаторе, или, если хотите, запросите Норфолк, они подтвердят.

– Должна быть крайне веская причина, чтобы присылать штатское лицо на авианосец в море, – проворчал Алек.

– Причина довольно веская, сэр, – сказала девушка, протягивая ему запечатанный конверт. – Могу только добавить, что по окончании Весткост Менеджмент я собираюсь поступить так же, как человек, который всегда был для меня образцом для подражания. Когда ему не удалось поступить в военную академию, он закончил Весткост, стал участником «Стигма-три», и, в итоге, все-таки сделал блестящую военную карьеру. Его пример всегда вдохновлял меня...

– Если это лезть, то она неуместна, – сказал Алек, распечатывая конверт, – а если Вы искренни – что ж, благодарю. Скажите, Мэри Джон, а Вы, случайно, не родственница адмиралу Джону Меткалфу Третьему?

– Я его внучка, сэр, – как и все натуральные блондинки, Мэри легко покраснела.

Алек отметил, что у посланницы модельная внешность – ее легко было представить на обложке какого-нибудь глянца. Даже летный комбинезон не мог скрыть, что у девушки, к тому же, хорошая фигура.

Заметив оценивающий взгляд адмирала, Мэри добавила:

– К сожалению, сэр, мой отец не пошел по стопам деда. Более того, он – убежденный пацифист. Какие только варианты будущего мне не предлагали! Для меня были открыты любые двери, кроме одной – той, в которую мне больше

всего хотелось войти. Я была почти в отчаянии, но узнала о Вас и о Вашей судьбе, и это вдохнуло в меня жизнь.

– Вы говорите слишком красиво для будущего офицера, – заметил Алек. – Но зато Вы искренни, а это хорошо. Что ж, если Ваше желание действительно сильно, у Вас все получится, и я, возможно, когда-нибудь еще увижу Вас на мостике одного из кораблей моего флота.

– Спасибо, сэр! – расцвела в улыбке Мэри.

Алек, тем временем, ознакомился с содержанием письма.

Что ж, ничего необычного: как он и предполагал, Гарри Фишер предложил юбилейную встречу первого состава «Стигмы-три». И от этой встречи нельзя было отказаться.

Вернее, отказаться, конечно, было можно. Но нецелесообразно.

Алекс следил за Гарри еще с того момента, как тот вышел из тюрьмы с оправдательным приговором. Вернее, выкатился из нее на коляске.

Теперь Фишер был значительной фигурой в потайных коридорах Белого дома. Одним из тех, кто принимает решения.

В целом, Алек был этому рад. Фишер не был идиотом, живущим в семидесятых годах, и понимал – еще немного, и привычный нам мир окончательно изменится. А в новом уже не будет места такой державе, как США. И не спасут ее ни авианосцы, ни подлодки, ни ядерные ракеты, как не спасли они СССР. Вот только Россия сумела сохранить свою идентичность, избавившись от некоторых территорий, которые потом, окрепнув, благополучно вернула. У России был центр, ядро, хартлэнд. У США такого центра не было. Потому, если их страна распадется, скорее всего, это будет окончательно.

Алеку этого очень не хотелось, и он знал, что Фишеру этого тоже не хочется.

Удивительно, что мигранты могут быть большими патриотами, чем коренные американцы – Сорос, Бжезинский, Фишер...

Он доверял вожаку своего Почетного общества. Для него Фишер был старшим по званию, со всеми вытекающими последствиями. Значит, на встрече надо быть.

– Если тот, кто Вас отправил ко мне, ждет ответа, – сказал Алек Мэри, – то мой ответ: «Да, я буду». Хорошо, что он обратился заранее. Я скорректирую планы боевой подготовки флота так, чтобы мое отсутствие не повлияло ни на что. Если мне смогут в этом помочь на уровне COMUSFLTFORCOM – буду рад.

Алек не просил, он предлагал. Фишер, конечно, поймет, что он имеет в виду. В конце концов, Алек не брал очередного отпуска уже шесть лет. Хорошо, что время выбрано правильно – в мае заканчивается «Лоялити тандер», совместное учение с флотом Великобритании. В середине июля начинается «Фокс хантинг» – противолодочные учения на севере. Между ними у флота плановое базовое обслуживание, и его место в океане займет четвертый флот, проведя собственные учения «Джубили френдшип».

Самое время отдохнуть и развеяться.

– Я могу идти, сэр? – спросила Мэри.

– Идите, – разрешил Алек, – передайте вашему пилоту, что я восхищен его посадкой.

– Спасибо, сэр, – улыбнулась Мэри, вновь краснея. – Я сама пилотировала. На этой новой модификации автопилот снабжен искусственным интеллектом, ее можно пилотировать в одиночку.

– Вот как, – адмирал задумчиво потер подбородок. – Вы сумели удивить меня. Не думаю, что автопилот, каким бы умным он ни был, может заменить живого пилота. К тому же, селились Вы не по протоколу, а значит...

– ...пришлось ограничить его функции, – кивнула Мэри. – И то, он ухитрился попортить мне посадку. Гондолы провернулись немного несинхронно. Надо было самой, конечно, проконтролировать, но у меня, если честно, не хватило умения, – и Мэри с досадой чуть прикусила нижнюю губу.

Алеку показалось это милым:

– Что Вы, – сказал он. – Пусть для Вас утешением будет то, что у меня не все пилоты так чисто справляются. В основном, сажают машину на аэрофинишер, по-самолетному. Вам не за что краснеть.

Он подошел к Мэри и протянул ей руку:

– Простите мне мою первоначальную резкость, – сказал он. – Вы очень стараетесь, а это – признак искренней увлеченности. Вы будете хорошим офицером, Мэри.

– Буду стараться, сэр! – ответила Мэри, вновь краснея.

«Придется ей с этим как-то справляться, – думал Алек, пожимая хрупкую на вид, но довольно сильную ладонь Мэри, – какой бы толковой она ни была, но офицер, краснеющий на каждом шагу – нонсенс».

Но почему-то ему казалось, что Мэри удастся справиться и с этим.

?

Март 2026 год

Борис уже давно подумывал о том, чтобы организовать себе небольшую подработку.

Суть его идеи сводилась к тому, чтобы делать то, что он делал для Фишера, но уже для себя. Почему бы не создать милую, симпатичную бактерию, которая вызывала бы неприятную лихорадку, распространить ее в каком-нибудь Кливленде, где канализация и так мало чем отличается от сточных вод, а затем с триумфом предложить самостоятельно разработанное лекарство?

Такое Борису было вполне по силам, и сделать это он мог буквально на коленке.

Однако, на пути его плана имелись препятствия, к счастью, вполне устранимые.

Например, ему нужна была собственная лаборатория. Пользоваться той, в которой работал Борис, конечно, тоже можно было, но в ней велся строгий учет всего – от расходных материалов до электроэнергии и интернет-трафика. За все приходилось отчитываться, и Борису, конечно, это не нравилось. Какое-то уникальное оборудование из того, что имелось у Фишера, можно было, конечно, использовать, но основные работы придется перенести домой.

Значит, нужен дом, и не просто дом, а такой, чтобы в нем можно было расположить лабораторию. И нужно было много оборудования – собственный электрогенератор, большой морозильник с уровнем для глубокой заморозки и шокового замораживания, мощные компьютеры для расчетов реакций, не говоря уж о более прозаических вещах вроде автоклавов и прочего.

На все это нужны были деньги, и довольно большие. Борис высчитал нужную сумму, и понял, что, несмотря на щедрость Фишера, для него это не вариант. Конечно, можно было позабыть о всех развлечениях, питаться одним плечом сомнительного качества и ночевать в дешевых мотелях, но Борис так уже не мог. Он привык снимать хорошую квартиру недалеко от работы и занимать свободное время поиском острых ощущений.

Но тут подвернулся тот самый счастливый контракт, суливший ему нужную сумму, с которой уже можно было что-то делать.

Борис медлить не стал: взял кредит, заказал необходимое оборудование и материалы, а потом и подобрал подходящий дом. Дом принадлежал какому-то фрику-режиссеру, недавно разошедшемуся с женой-актрисой, и стоил на четверть дороже того, что было в планах у Бориса, но...

Койн просто-таки влюбился в это мрачное здание, похожее на готический собор или склеп Влада Дракулы. А когда спустился в просторный подвал – буквально, увидел там свою новую лабораторию. Было место для всего необходимого – для генератора, морозильника, крипхранилища, вивария, для компьютерных терминалов, лабораторных столов, «красной зоны», для чего угодно...

Борис должен был получить этот дом, прямо сейчас! И он его получит! Но этот смелый план едва не накрылся медным тазом. После великого кризиса двадцатого года банки стали прижимистыми, как скряги, и той суммы, что ему могли выдать (сверх полученного ранее кредита) хватало только на половину

первоначального взноса!

Мысленно представив себе, как служащие банка покрываются бубонами чумы и метками черной оспы, Борис связался с продавцом. После долгих увещеваний, тот согласился уступить – взять половину суммы при условии, что вторую половину Борис выплатит ему до шестого июня.

Борис вздохнул с облегчением: работы по новому вирусу вступили в завершающую фазу, и уж до шестого июня с ним точно расплатятся.

Тем же вечером в его доме появились рабочие и грузчики. Борис закинулся амфетаминами, и провел бессонную ночь в подвале, попивая хороший виски и наблюдая за монтажом лабораторного оборудования. Ему не терпелось приступить к работе.

Впрочем, он смог это сделать только на следующий день – с утра его вызвал Фишер на закрытое совещание с представителями Министерства Обороны.

Представитель был только один – худой генерал военно-космических сил с непропорционально маленькой головой слушал беседу Гарри с Борисом и деловито кивал.

– Нет, никаких вакцин от этого вируса разработать нельзя, – пояснил Фишер генералу, выслушав доклад Бориса. – Суть нашей разработки сводится к тому, что Янус-РНК, попадая в организм, начинает воспроизводиться, используя генетический материал носителя. Обычный вирус заражает клетки, наш – сам становится клеткой, и то, что может его убить, одновременно убьет и сам организм.

– И что, нет никаких средств для борьбы с ним? – спросил генерал.

– Только наш собственный «антивирус», – ответил Фишер. – Янус-ДНК. Если он уже есть в организме, то он просто «обезвреживает» Янус-РНК, не дает ему работать.

– А русские не смогут разработать такой антивирус? – с опаской спросил генерал. – У них хорошие медики...

– Не успеют, – заверил его Фишер. – Чтобы найти нечто в незнакомой темной комнате, надо знать, что ты ищешь. Ни один тест не способен выявить Янус-РНК, поскольку он не вызывает появления антител и не обладает чужим генетическим кодом. К тому же, Янус распространяется очень быстро, один носитель перед смертью способен заразить две-три сотни, если окажется в людном месте. Инкубационный период – от двух дней до недели, но зараженные начинают распространять заразу уже через четыре-шесть часов, причем в это время у них нет вообще никаких симптомов. В России сейчас сто семьдесят миллионов человек; часть из них рассеяны по просторам Сибири. Но, по нашим подсчетам, для восьмидесятипроцентного заражения понадобится неделя, в крайнем случае, десять дней. При шквальной смертности по непонятным причинам, этого времени им не хватит.

– А животные этим болеют? – спросил генерал.

Фишер точного ответа не знал, и вопросительно взглянул на Бориса.

– Нет, сэр, – ответил тот. – Даже высшие приматы. Но теплокровные животные являются переносчиками. Кроме того, у некоторых особей отмечен интересный эффект – у них повышается агрессивность в отношении человека, они словно пытаются распространить инфекцию экстенсивно.

– И долго может продолжаться такое поведение? – насторожился генерал.

– Чуть больше года, – ответил Борис. – В принципе, агрессию проявляют процентов двадцать популяции... не думаю, что это проблема.

– Вы просто не встречались с голодной собачьей стаей, – фыркнул генерал. – Но этот срок для нас приемлем. Раз уж мы говорим о полном очищении Евразии и Африки от людей... Понятно, это только гипотетический вариант. Когда все будет готово?

– Я предполагаю закончить работу к середине мая, – ответил Борис, опередив Фишера.

Тот зыркнул на него, но кивнул.

Генерал хохотнул:

– Просто здорово! За такое неплохо бы и выпить, жаль, что ничего такого я у себя не держу...

... – И зачем Вы бежите впереди паровоза? – спросил Фишер, когда генерал их покинул, и они остались наедине. – Или Вы считаете, что могли бы сделать подобную работу самостоятельно?

– Ну, что Вы, – поспешил возразить Борис, – я просто указал на те сроки, в которые закончу свою часть работы, и только.

– Вы же понимаете, что генерал сразу же начнет дергать меня? – спросил Фишер. – А разработать, даже протестировать обе версии – далеко не все. Надо наладить серийное производство...

– Только для Янус-ДНК, – ответил Борис, – Янус-РНК воспроизводит себя сам. У меня сейчас есть половина заказа Януса-РНК, этого хватит, чтобы вся планета стала безлюдной. А Януса-ДНК у меня полсотни доз. Этими дозами можно обезопасить половину Америки. Правда, по Янусу-ДНК у меня еще есть вопросы, я над ними работаю.

Фишер наморщил лоб:

– Вот что. Я так понял, что Вы хотите побыстрее закончить, чтобы получить причитающееся Вам вознаграждение? Это мне понятно, и я с удовольствием выплатил бы Вам его прямо сейчас. Но у меня пока на обороте нули, все средства вложены в Янус и другие программы. Придется ждать, когда деньги перечислит Министерство обороны. Давайте-ка ускорим процесс – я привезу Вам генетический материал, Вы сделаете мне из него только Янус-ДНК, а я проведу все необходимые процедуры – и технические, и юридические. А Вы сосредоточьтесь полностью на Янусе-РНК, чтобы у меня была возможность с чем-то идти в Министерство обороны выклянчивать то, что они нам должны.

?

Март 2026 год

Фрэнк Барзини нетерпеливо барабанил пальцами по столешнице. Он никогда не умел скрывать свою нервозность. А сейчас Фрэнк нервничал. И было от чего.

Фрэнк очень не хотел делать то, что собирался сделать. Он очень не любил просить. Он не привык просить. Его слава, его деньги, его связи – все это давало ему право не просить, а требовать.

Но мир в двадцатых очень изменился, и особенно, наверное, в его сфере, в сфере кино. Теперь недостаточно было иметь престижные награды и принадлежать к когорте известных деятелей Голливуда. Имя на афише больше не привлекало. Люди по-прежнему требовали зрелищ, но не готовы были платить за то, что было бы им неинтересным, только потому, что это снял прославленный лауреат сотни премий.

От размышлений Фрэнка оторвало появление Фишера.

Как он появился, Фрэнк так и не понял. Дверь ресторана все время была у него на виду, но Гарри подошел сзади, как привык делать всю свою жизнь.

– Привет, Фрэнки, – сказал он, усаживаясь напротив Фрэнка. – Рад тебя видеть, через столько-то лет. Ты получил приглашение?

– Конечно, Гарри, – ответил Фрэнк, покручивая в пальцах стакан с виски. – Я рад, что мы все сможем снова встретиться...

– Тебя явно что-то беспокоит, – заметил Гарри. – Я проверял, у тебя никаких планов по съемкам на июнь нет.

Фрэнк вздохнул:

– Не то, что планов... у меня нет понимания, куда идти дальше. Гарри, я...

– Не тяни кота за хвост, – посоветовал Фишер. – Фрэнки, ты как не родной. Мы же «Стигма-три»! Мы с тобой, как братья! Если у тебя проблема, к кому тебе еще идти, как не ко мне?

И Фрэнк решился:

– Гарри... я хочу продать свой дом. Или дать в залог под кредит. Иначе мне придется признать себя банкротом, и дом отберут, но по совсем другой стоимости.

– Все так плохо? – с сочувствием спросил Гарри.

– Хуже некуда, – признался Фрэнк. – Все началось с весны двадцать второго, когда для нас, фактически, закрылись евразийские рынки. Потеря проката в Китае и Индии – сам понимаешь... Да и по всему миру кинопрокат сократился, еще в двадцатом. Народу стало не до кино. А те, что ходят в кинотеатры... у них изменился подход. Мы делали упор на спецэффекты, но они больше никого не интересуют. Сейчас спецэффекты доступны любому, программы в Сети лежат в свободном доступе.

– Постой, – перебил его Фишер. – Но ведь у тебя в прошлом году был Оскар!

– Был, – кивнул Фрэнк. – Только толку с него? Три фильма подряд провалились в прокате, по двум я даже затрат не отбил. Я по уши в долгах, и больше мне ссужать никто не собирается. А тут еще развод. Мы с Мэг разошлись по мирному, но мне пришлось выделить ей солидное отступное. Она ушла с деньгами, я остался с долгами...

Подошел кельнер. Гарри заказал себе джинн – он всегда предпочитал виски этот напиток с запахом можжевельника, причем ценил тот, который был ароматнее других.

Фрэнк обновил свое виски. Они выпили.

– Я строил дом для семьи, – признался Фрэнк. – Теперь у меня семьи нет. Зачем мне дом? Продам его, и покрою часть расходов. Я и так перебрался в свою квартирку на пятой, недалеко отсюда.

– Выходит, мы соседи, – улыбнулся Гарри. – Есть повод ходить друг к другу в гости.

Он наклонился вперед и потрепал Гарри по плечу:

– Не кисни, дружище! Конечно, я тебе помогу. И с домом, и вообще. Я сброшу тебе по электронке контакты моего нотариуса, оформишь все через него. Деньги выйдут сразу, я распоряжусь. Если хочешь – могу подыскать тебе поверенного, может, с кем-то из кредиторов можно будет уладить дело без срочных выплат, так сказать, полюбовно.

– Я думал, этим только мои соплеменники промышляют, – на месте Фрэнка другой бы, наверное, почувствовал страх, но Фрэнк Барзини был сыном Микеле Барзини. Последним его ребенком, которого Микеле по прозвищу Барс родила его четвертая жена (женой она стала, когда появились признаки беременности). Дон Микеле в чаде души не чаял, но вовсе не хотел, чтобы сын пошел по стопам отца. И правильно делал – классическая мафия приказала долго жить в начале нулевых, ее вытеснили отморозки из латиносов и прочих «цветных», выдержать конкуренцию с которыми не сумели ни итальянцы, ни ирландцы.

– В наше время кто только этим не промышляет, – уклончиво ответил Гарри. – Так как ты...?

– Конечно, – отказываться от подобного предложения было бы несусветной глупостью, и Фрэнк согласился. – Гарри... ты даже не представляешь, как я тебе благодарен!

– Да брось ты, – повторил Фишер. – Вы все для меня – моя семья. Когда бедняга Вальтер погиб – это было для меня большим ударом, чем подстава от Ройзельмана, честное слово. Я не сумел его защитить, никогда себе этого не прощу...

– Ты тогда сидел, – напомнил Фрэнк.

Он сам в те дни, работая, как проклятый, выпустил на экраны почти что документальный фильм «Оклеветанный», и не успокоился, пока все присяжные по делу Фишера его не посмотрели. Ему это не раз припомнили потом, но оно того стоило.

– Все равно, – лицо Гарри на миг стало каким-то мертвым. – Ладно, как бы то ни было, тебя я этим акулам не отдам, Фрэнк. Если дом тебе все-таки дорог, можем

решить вопрос простой ссудой, без процентов и срока...

– Да не нужен мне этот дом, – отмахнулся Фрэнк. – Терпеть его не могу. Хотя дом хороший, можешь посмотреть, на досуге. Тогда вот что – как уладим это дело, я закончу съемки «Варваров-3», выдам прокатчикам, и я полностью в твоём распоряжении.

– До шестого июня управишься? – уточнил Фишер.

– Конечно, – сказал Фрэнк.

Он понимал, почему это важно – шестого июня у Гарри был день рождения.

И он решил отметить свой праздник с друзьями. А быть другом Гарри Фишера – большая честь.

Да и выгодно, как ни крути.

?

Апрель 2026 год

Получив от Гарри материалы, Борис приступил к работе в смешанных чувствах. С одной стороны, его пьянило предвкушение успеха, с другой – одолевала неясная тревога.

Как на зло, работа в лаборатории сегодня была донельзя рутинной, и Борис имел время для размышления. А человеку порой не стоит оставаться наедине с собой. Иногда ты не знаешь, чего от себя самого ожидать.

В перерыве между сериями тестов на лабораторных животных Борис, вопреки обещанному самому себе, принял пару таблеток амфетамина. Тревога, на какое-то время, отступила.

«Да что может случиться?» – думал он, тестируя хрюшек, чьи организмы состояли из полностью идентичных человеческим тканей; с виду свинья, но «из материала заказчика». – «Конечно, до начала июня со мной расплатятся. Это же не частная лавочка, а Министерство обороны! Люди серьезные, ответственные, и бюджет на них не экономит. Заплатят, куда они денутся?»

Поросята, получившие Янус-ДНК, весело подхрюкивали и выпрашивали вкусняшку. Их менее везучие собратья, которым Янус-ДНК не досталось, давно уже подошли и были сожжены в крематории.

Везучим свиньям надо было сделать полное обследование – рентген, КТ, МРТ, электрокардиограмму, эхограмму, энцефалограмму... Плюс, взять десяток пункций (а бессовестные свиньи очень не любили, когда в них тыкают большой иглой; к тому же, за неделю они научились эту иголку хорошо отличать от других предметов, и шкерились от нее, как могли).

В этой суете пробежали часы работы, и, наконец, все было закончено. Борис почувствовал себя уставшим, но это было поправимо. Еще пару пилюль – и привычная волна свежести пополам с эйфорией ожидаемо смела с мозга все следы усталости.

Аккуратно свернув все оборудование, Борис обесточил то, что нужно обесточить, закрыл то, что следовало закрыть, оставил произведенные дозы Янус-ДНК в специальном контейнере для Гарри, и покинул лабораторию почти вприпрыжку.

По дороге он заскочил в аптечный супермаркет, где купил бутылку кентуккийского виски с фазаном, содовой и полуфабрикатов. Ему захотелось отпраздновать покупку дома.

Впервые в жизни Борис пожалел о том, что у него нет друзей. Он никогда в них особо не нуждался, но теперь был бы не прочь пригласить кого-то разделить с ним радость.

Его дом находился в Стаффорде, на полдороги из Вашингтона в Ричмонд, в престижном районе Говермент-Айленд, рядом с одноименным парком. Впрочем, «в районе» – не совсем точно. Дом стоял на довольно большом участке на отшибе. Частично его скрывали от дороги платаны и вязы, и Борис даже пропустил поворот к въезду на свой участок. Пришлось развернуться и с

полмили ехать в обратном направлении со скоростью беременной черепахи. Наконец, Борис повернул и въехал на территорию своей усадьбы. При виде ее готических шпилей и машикулей, Борису стало радостно на душе. Это был его дом. Собственный.

Он даже подумал, не завести ли себе самочку – не как обычно, а более – менее на постоянной основе. В принципе, можно будет, особенно если учесть открывавшуюся возможность экспресс-подработки. Кстати...

Оказавшись в доме, Борис, чертыхнувшись, выпустил строителей, закрытых в подвале. Пришлось заплатить им еще и сверхурочные; к счастью, бригада была из мексов, а им и по сто баксов на рыло были за счастье. Затем он, почувствовав голод, бросил в микроволновку полуфабрикаты (что-то из тексмекс, вроде буррито или энчилады), открыл виски и залпом выпил.

– Сейчас, пожую и пойду смотреть, что эти цветные намонтировали, – сказал он, наливая себе второй стакан. – Небось, придется все переделать за криворукими...

Он не выдержал, и, едва микроволновка сообщила ему, что ужин готов, подхватив блюдо с едой, бутылку и стакан (все это пришлось поставить на поднос из пластика) спустился в свой подвал. Скомандовал дому включить свет – и замер на ступеньках, пораженный увиденным.

Она ждала его, она его манила к себе, как манит обнаженная красавица на пустынном пляже, как жаждущего путника в пустыне манит кристально-чистая вода.

Борис прошел вдоль оборудования, проверяя функционал – все было смонтировано правильно, даже удивительно. И чисто – только на одном из столов, за которым бригада ожидала его возвращения с работы, лежала забытая игральная карта, джокер с лицом Дяди Сэма.

Борис смахнул карту со стола и поставил на него поднос. Налил, выпил, любясь своей лабораторией.

Он был счастлив.

– Нет-нет, – сказал он лабораторным столам, – тебе нельзя простаивать. Надо тебя хоть чем-то загрузить. Посмотрим, не завалилось ли что-то у меня в багажнике.

Конечно же, в багажнике Бориса кое-что завалилось, а именно – небольшой чемоданчик с питательными средами, тканями живого среза в шоковой заморозке, а, главное, различным цитоматериалом – и нейтральным, обезличенным, и имеющим имя собственное – маленькая коллекция бактерий, вирусов и прочей микробиологии. Ничего сверхъестественного там, конечно, не было, ничего, страшнее сенной лихорадки или базовых штаммов гриппа и ОРВИ.

Но это пока...

?

Апрель 2026 год

...Ему вновь удалось собрать многотысячный митинг. И это – не Калифорния или Вирджиния, это консервативный Иллинойс, страна реднеков, голосующих за республиканцев.

Он вышел на трибуну, которая для него была, пожалуй, высоковата; опустил микрофоны ниже и оглядел галдящую толпу. Этот звук напоминал ему море, накатывающее на пляж родного Нью-Гемпшира.

Под его взглядом гул толпы умолкал, пока не стало совсем тихо.

Данте Габриэль Шот, претендент в кандидаты в Президенты от левого крыла Демократической партии, мысленно улыбнулся: «Я заставил море притихнуть».

– У меня есть впечатление, что нас дурят, – сказал Данте. Народ безмолвствовал, хотя некоторые закивали. – Нам постоянно рассказывают о кризисе, о том, что нужно затянуть пояса. Пенсионная система обанкротилась, люди, всю жизнь копившие на старость, умирают в нищете в хосписах. Почти четверть населения безработные. Стоит ли верить Линдси Грему, когда он говорит о кризисе? Я был во Флориде и видел множество верфей, строящих шикарные яхты. Я видел

двухсотметровую яхту, строящуюся по заказу одного из лидеров фармацевтической отрасли – она на двадцать метров длиннее эсминца «Зумволт»!

О том, что яхта строилась по заказу хорошего друга Данте, Гарри Фишера, Шот предпочел скромно умолчать. По сути, это было не важно. Как и весь этот митинг. Как и все, что будет потом.

– Да и к самим «Зумволтам» есть вопросы, – продолжил Данте. – Это очень дорогие корабли, как и новейшие авианосцы, которых мы уже построили четыре штуки. И они, мягко говоря, не очень эффективны. В Министерство обороны закачивается почти четверть доходов бюджета, но, в случае войны, по мнению многих аналитиков, этот флот нас не защитит! Наши вооруженные силы безнадежно устарели перед русскими и китайскими образцами. У нас нет ни гиперзвуковых ракет, ни подводных дронов, ни планирующих блоков. Наше ПВО – оружие позавчерашнего дня.

Но разве это останавливает мощнейшую коррупционную спайку между военно-промышленным комплексом и Министерством обороны? Или, может, их заботит наша безопасность? Нет! Не было в истории большей коррупции, чем та, что царит в сфере нашей обороны. Даже вавилонские сатрапы – невинные дети в сравнении с нашими кочующими из армии в политику, а оттуда – в транснациональные корпорации наследственными демократами!

Толпа загудела.

Ободрившись этим, Данте продолжил:

– С горем пополам, нам, я имею в виду нашу Демократическую партию, удалось сделать медицину общедоступной. Клиническое лобби сопротивлялось всеми конечностями. Естественно – у них отняли возможность выжимать из больных американцев последнюю копейку. Вы знаете, что сам я занимаюсь этим вопросом. Вы поверите мне, если я скажу, что каждый цент на эту программу, на программу, от которой, как показал двадцатый год, может зависеть жизнь каждого из нас, приходится буквально выгрызать? Тогда, как военные носятся с идеей войны против Кореи – как будто мало им нашего позора в Афганистане, Ираке, Сирии?

Не скрою: в моей партии есть такие, кто задумывается о разделении США на «маленькие эффективные государства». Они говорят, что Атлантика и Пацифика прекрасно проживут без, как они выражаются, «балласта». Но разве вы – балласт? Мне дорог каждый штат, даже те, где всегда голосуют за наших оппонентов. Я вижу ваши глаза, ваши честные лица, и хочу, чтобы все мы жили в совсем другой стране. Пусть у нас не будет баз за рубежом. Они нам не нужны. Нам не нужно НАТО, которое ничего не может противопоставить Китаю и России. У нас есть огромная, богатая Америка, и ее граждане заслуживают того, чтобы жить так, как они хотят!

Не дайте себя обмануть! Завтра к вам придет Линдси Грэм, которого с восторгом примут те, для кого величие Америки заключается в праве влезать во все новые и новые авантюры за тридевять земель; послезавтра – мой оппонент, Пит Бутиджич, который расскажет вам, что русские и китайцы мешают нам спать с кем хочешь и курить марихуану. Не верьте им! Они – популисты. Они превратили нашу политику в болото, и упорно тянут за собой страну. Сделайте правильный выбор на праймериз! Я не обещаю вам, что решу все проблемы. Проблемы копились годами, их нельзя решить за пару минут. Но я обещаю вам, что мы с вами сделаем Америку, пусть не великой, но богатой и комфортной! Мы заслуживаем лучшего!

Толпа взорвалась овацией.

Данте был доволен: больше этого ему не сделать, но и не надо.

За кулисами его ожидала помощница:

– Сэр, к Вам посыльный.

– Посыльный? – удивился Данте. – От кого?

– Он не говорит, – ответила его темнокожая ассистентка. – Я выяснила лишь, что зовут его Джон Фицджеральд, и он – выпускник Весткост менеджмент.

Данте улыбнулся. Он ждал этого.

Джон Фицджеральд тоже был темнокожим, пожалуй, даже черным, как антрацит. Волосы его были уложены в дреды – старомодную прическу, популярную при президенте Обаме. Обама с дредами не ходил, но определенная часть молодых афроамериканских демократов ассоциировала эту прическу, вызывающую ассоциации с Медузой Горгоной, именно с ним.

«Небось, и рэп слушает, – про себя улыбнулся Данте. – Съешь сам свой обед, врагу отдай свой ужин; такой, какой ты есть, системе ты не нужен».

– Это от Гарри? – в лоб спросил Данте, забирая у Джона конверт.

Тот ощерился в тридцать два замечательных зуба:

– Да, от него, сэр.

– И какой у тебя номер? – поинтересовался Данте, вскрывая конверт.

Он знал, о чем идет речь, но не знал точную дату. Хотя и предполагал, что это будет шестое июня.

– Триста восемьдесят девять, сэр, – продолжал улыбаться афроамериканец, – как у Вас. В смысле, тоже одиннадцать – на моем курсе.

– Я понял, понял, – ответил Данте. – Хм... Шестого июня? Не очень удобно, но такие предложения игнорировать нельзя. «Это не просто роцца, сынок».

– Что, сэр? – не понял Джон.

– Цитирую Отцов-основателей, – ответил Данте. – Я, конечно, буду, Гарри может в этом не сомневаться.

– Спасибо, сэр, – обрадовался Джон.

Данте потрепал его по плечу:

– Ты в какой партии состоишь?

– А по моей... хм... по цвету кожи не понятно? – удивился Джон. – В Демпартии, конечно. Раньше был либертарианцем, потом перебесился.

– Это мне знакомо, – сказал Данте. – Сам таким был. Вот что, если хочешь сделать партийную карьеру – я дам тебе рекомендации. Подойди к моей помощнице, она все оформит. Только я сначала дам ей указания, что нужно срочно поменять в графике моих выступлений. Подождешь?

?

Третье июня 2026 год

Борис все еще чувствовал себя неважно – в тот вечер, когда он решил испробовать свою лабораторию, он, вероятно, не слишком аккуратно подошел к вопросу техники безопасности. Хорошо хоть, на следующий день была суббота, его законный выходной – с утра его лицо выглядело так, будто Бориса всю ночь жалили пчёлы, а в горле першило, словно они после этого там решили сделать улей.

Болезнь оказалась банальной желтой лихорадкой, точнее говоря, ее новым штаммом с ультракороткой инкубацией и осложнением в виде ОРЗ.

Ничего хорошего, но и ничего смертельного – в конце концов, он ведь мог склепать что-то похуже, особенно после полубутылки вискаря.

Целую неделю симптомы лихорадки проявлялись во весь рост. Борис и не думал оставлять работу – кашлял, чихал, шмыгал носом, пил лекарства и продолжал эксперименты.

О результатах этих экспериментов он и спешил доложить мистеру Фишеру на очередном пятничном брифинге:

– Сэр, – сказал он, прокашлявшись после приветствия, – в дополнение к уже переданным Вам материалам, хочу доложить, что я еще усовершенствовал Янус-РНК. Теперь при вторичном заражении период до начала инфекционной... а-а-п-чхи... простите, – активности снизился до двух часов. То есть, при передаче

вируса от нулевого пациента к первому, а-а-пчхи... извините еще раз, скорость заражения растет. У меня пока нет данных по второму и последующему поколениям, но, кажется, скорость с каждым новым заражением будет только повышаться.

- Интересно, - отметил Фишер, - я немедленно заражу... тьфу ты, доложу об этом нашим заказчикам. Впрочем, они и так уже в Вас влюбились, ознакомившись с результатами, предоставленными Вами ранее.

- Неужели, - обрадовался Борис, - они приняли работу? Вот так, без замечаний?

- Да, - ответил Гарри, широко улыбаясь. - При мне были подписаны документы приема-передачи, так что, уже в августе Вы получите свое вознаграждение...

Сердце Бориса ухнуло вниз:

- В августе? Но я....

Фишер прищурился:

- А что такое? Надеюсь, тянуть с этим они не будут. Закроют вопрос до начала дебатов по бюджету.

- Сэр... - Борис не знал, что сказать. Он уже успел буквально породниться со своим домом, а теперь тот уплывал у него из-под носа, в буквальном смысле этого слова. - Видите ли, сэр, мне нужны деньги.

- Деньги нужны всем, - философски заметил Фишер. - Я, вроде бы, плачу Вам неплохую зарплату...

- Да, сэр, - поспешно закивал Борис; не хватало еще раздраконить босса! - Мне жаловаться не на что. Но, видите ли, я давно мечтал о доме, а тут, как раз, подвернулся такой, как мне хотелось бы...

- Так возьмите кредит, - пожал плечами Фишер.

– Уже, – сказал Борис, – но Вы же знаете, как сейчас неохотно банки выдают кредиты. Того, что я собрал, едва хватило на половину взноса. Я договорился с риэлтором, что они подождут до начала июня...

– И сколько Вам нужно денег? – спросил Фишер.

Борис потупился, и назвал сумму.

Фишер крикнул:

– Вы что, Диснейленд прикупили?

– Нет, – заверил его Борис. – Просто большой дом, раньше он принадлежал Фрэнку Барзини, знаете, это такой режиссер...

– Знаю, – кивнул Фишер, – я с ним учился в Весткосте... ну, Вы бы хоть меня предупредили! Загвоздка в том, что у меня сейчас активов не так много. А завтра я уезжаю, на месяц с небольшим. Вот что, Борис, – продолжил Фишер, видя, что лицо его подчиненного темнеет, будто у Бориса только что отказала печень. – Вы не переживайте. Я что-нибудь придумаю. Такими специалистами, как Вы, не расшвыриваются; у Вас золотая голова, ее беречь надо. Дом будет ваш, или я не Гарри Фишер.

...Несмотря на все заверения Гарри, на душе у Бориса было, мягко говоря, беспокойно. Обещания – это хорошо, но в кэш их конвертировать удастся далеко не всегда.

Настроение Бориса прыгало вверх-вниз, как биржевые индексы в период «количественного смягчения».

«А если он не успеет? – думал он. – С чего ему вообще спешить? Кто я ему – не сват, не брат... надо что-то придумать, но что?!»

В обеденный перерыв Борис сделал то, чего никогда раньше не делал – зашел в бар, находящийся через дорогу от ничем не примечательного офиса его компании.

Бар, как бар – просто кофейня, напоминающая купе пригородного поезда, плюс барная стойка. Но здесь продавали виски, хоть и паршивый.

Борис чувствовал, что ему надо пропустить стаканчик, чтобы успокоиться.

Подумав, вместо виски он взял сто грамм холодной водки. Водка оказалась крепкой, и не такой мерзкой, как здешнее виски. Борис закусил хот-догом и заказал еще столько же. После второго двойного шота он вернулся на работу, опоздав на полчаса. К счастью, этого никто не заметил.

Водка ударила в голову не сразу; сначала Борис чувствовал какое-то оупение, затем появилось приятное тепло во всем теле. А потом – Борис занимался контролем свинского здоровья, планируя затем осмотреть других подопытных – выяснилось, что грызуны переносят его вирус, само собой, не заражаясь, причем вирусная активность наблюдалась даже в третьем поколении от зараженной особи. Борис выпросил нескольких собак и обезьян – оказалось, ни те, ни другие тоже не заражаются, но, по крайней мере, собаки, могут быть переносчиками.

В общем, работы было много... а Бориса от выпитого «вело», и в голове, одна за одной, возникали идеи, то манящие, то пугающие.

А тут еще, совсем некстати, позвонил Фишер:

– Хэй, парень, – сказал он весело. – Считаю, что дело в шляпе. Я почти договорился погасить твой долг моим векселем. Сумма будет больше, но это мои проблемы. Сейчас этот хмырь убедится, что Гарри Фишер по-прежнему самый большой кусок закваски в этой луже, и все на мази. Ты рад?

– Д...да, с...сэр, – медленно сказал Борис, стараясь, чтобы язык у него не заплетался, – я В...вам так б... благодарен, с...сэр, как отец родной... в смысле, как отцу родному...

– Да ну, пустяки, – ответил Фишер. Затем его шеф пристально посмотрел на Бориса (разговор сопровождался видеосвязью). – Ты как-то неважно выглядишь. Все не отошел от болезни?

Борис решил не испытывать судьбу и кивнул.

– Тебе надо отдохнуть, – констатировал Фишер, – слетать на Багамы, или просто съездить куда-то. Хоть на рыбалку в Новую Англию, или... ты любишь бейсбол?

– Ага, – ответил Борис.

– Ну, так поезжай на пару дней в Ричмонд. Там полуфинал высшей лиги будет. Посмотришь бейсбол, пройдешься по барам, может, подцепишь кого-то из местных. Вот что, возьми-ка ты недельку отпуска, и поезжай. Договорились?

– Как скажете, сэр, – собравшись, ответил Борис.

Он хотел, было, добавить, что было бы, куда потом возвращаться, но не смог сформулировать мысль и промолчал. Но Фишер, кажется, его понял:

– И не переживай ты за свой дом! Никто у тебя не заберет его. Если хозяин даже рогом упрется, я ему кэшем накидаю, уж как-нибудь я нужную сумму соберу. Ты меня понял?

– Д-да, – ответил Борис и неуверенно кивнул.

Гарри опять прищурился.

– Нет, тебе точно надо отдохнуть, не то ноги протянешь. Ну, бывай. Не чихай, не кашляй!

И выключился, оставив Бориса в «чистой» зоне лаборатории.

?

Май 2026 год

Джинна Дэвис чувствовала себя уставшей. Кажется, у нее даже температура поднялась. Надо померить, когда она вернется в гримёрку. А может, это просто кажется. Восемь часов работы в студии – это не шутки.

Это можно, конечно, назвать эйджизмом, но в сорок пять женщина уже не такая, как в двадцать, и с этим ничего не поделаешь.

Ей говорят, что она выглядит на двадцать пять, ею восхищаются те, кто моложе ее на четверть века... но кожа запястий и шеи, крохотная, едва заметная сеточка морщин вокруг глаз не умеют ни льстить, ни лгать. Ей сорок пять, почти сорок шесть. Это кажется не важным после трех браков и двух родов, наверное. Особенно с учетом состояния, которое довольно солидно, несмотря на все кризисы.

Когда-то Гарри рассказал ей о том, что деньги, как оливковое масло, бывают первого и второго отжима, но, в отличие от последнего, именно второй отжим самый ценный.

О ней говорят, что она сделала сама себя, но это не так.

Есть поговорка, что за каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая его любит и в него верит. Обратное тоже верно: за каждой успешной женщиной маячит тень мужчины, который сделал ее такой. Причем не важно, каким способом. Или научил всему, и подарил крылья, или, наоборот, разозлил до того, чтобы оседлать метлу.

Парадоксально, но Гарри Фишер подходил под оба этих определения.

Джинна была замужем трижды; с первым мужем она разошлась, и скандал с разводом мог бы поставить крест на ее карьере.... Но не поставил. Со вторым мужем она прожила шесть лет, родила ему сына, а потом потеряла – он разбился на самолете где-то во Флориде. Третий муж был моложе ее на десять лет. Он был талантливым, даже гениальным композитором и аранжировщиком, но злоупотреблял стимуляторами. Они разошлись, когда его поведение стало совершенно неадекватным. Джинна забрала дочь от него, и вернулась в Штаты (до развода они жили в Ницце). Несколько месяцев спустя он умер в Париже от отравления или передозировки. Второе более вероятно. Жаль – он действительно создавал восхитительные мелодии. После расставания с ним Джинна полностью бросила сольную карьеру, и сосредоточилась на роли ведущей.

Джинна понимала, что все ее браки были обречены с самого начала. Она понимала это даже идя под венец, просто у нее не было сил признаться себе в этом. Ей хотелось обычного, простого человеческого счастья, как у других. Дом, муж, дети...

Но она была не создана для такого.

Гарри говорил ей об этом, давно, когда они оба были молоды. Она любила Гарри так, как не любила ни одного из ее мужей. Она могла, на самом деле, любить только его.

Сильные женщины нуждаются в нежности не меньше, если не больше, чем слабые. Они нуждаются в ней, как больной эмфиземой нуждается в полноценном глотке воздуха. Но мужчина не может быть нежным с тем, кто сильнее его. Такова их природа – подчинять, покровительствовать...

У Гарри это хорошо получалось, но Гарри не стал ее мужем, да и не мог. Внутри этого человека жило неукротимое пламя, а пламя – плохой любовник, а муж и того хуже.

Если бы они попробовали быть вместе – они испепелили бы друг друга – огненно-рыжая, зеленоглазая Джинна и черноглазый, черноволосый, одетый во все черное Гарри. От их любви летели искры, зажигая все вокруг.

Джинна пыталась найти ему замену еще когда они были вместе; Гарри спокойно мог привести девочку в дом, который они снимали на двоих, и устроить амур де труа. В нем вообще не было никаких общепринятых комплексов и фобий...

Несколько лет назад Джинна – еще поп-звезда и фотомодел, но уже тогда ведущая набравшего популярность «Шоу номер два», брала интервью у подопечного Фишера, Льва Ройзельмана. Это было в разгар истории с кометой, время было страшное, женщины калечили себя, поддавшись массовому психозу. Джинна тогда просто кожей почувствовала, что виновник всего происходящего сидит напротив нее, снисходительно улыбаясь, словно видя ее насквозь.

Ройзельман и Фишер были похожи друг на друга, как Джекилл и Хайд. Вместо пламени, внутри подопечного Гарри жила леденящая душу тьма. Он казался воплощенным страхом, и Джинна понимала, что весь мир для Льва

Ройзельмана – это муравейник для скаута с увеличительным стеклом, не так давно узнавшего, что с помощью этого стекла можно разводить огонь.

И Джинне удалось сделать то, что никому не удавалось. Отвечая на снисходительное предположение Ройзельмана о том, не хочет ли она примерить его изобретение, Джинна сумела дать ему понять, что знает о его причастности к происходившему вокруг.

Потом Джинна много раз прокручивала запись этого разговора, но так и не поняла, чем именно сумела испугать своего собеседника, но факт остается фактом – в их разговоре получилась боевая ничья.

Это потом помогло Фишеру – Джинна охотно дала свидетельские показания, позволившие присяжным вынести вердикт о том, что Гарри непричастен к художествам своего подопечного. Джинна при этом даже не пыталась как-то спасти Гарри – она просто говорила правду, которую знала только она. У Гарри и Ройзельмана было так много общего, но знак их был противоположным, как у льда и пламени.

Джина остановилась у большой зеркальной панели – такие постоянно встречались в коридорах ее студии.

Да... время было к ней милостиво, а пластические хирурги не зря ели свой хлеб. Она действительно выглядела на тридцать с небольшим....

Последняя их встреча с Гарри произошла, когда Джинни было тридцать два. Она развелась с первым мужем, и еще не встретила второго.

Между Гарри и Джинной вновь произошел бурный, но короткий роман. Потом они расстались – у Джинны были гастроли, у Гарри – какие-то свои дела по линии набирающего силу концерна «Фишер групп» ...

Глядя на свое отражение, Джинна думала, что не так уж и изменилась за прошедшие тринадцать лет. Как будто она снова оказалась в прошлом, и вот-вот из-за ее спины появится ее роковой мужчина...

Он любил подходить сзади, обнимая ее, как демон на известной картине Валеджо. На нее это действовало почти магнетически: она откидывалась, прижимаясь лопатками к его груди, ее дыхание учащалось...

«Черт. Черт, черт, черт!» – одернула она себя, на миг подумав, что троекратное упоминание черта перед зеркалом, по мнению ее предков-ирландцев, не сулило ничего доброго. Но Джинна была зла на себя. Обычно ей удавалось держать эти воспоминания в темном омуте своего подсознания, не позволяя овладеть собой, но сейчас плотина, сдерживающая их, прорвалась, как хлипкая запруда из веток и глины во время хорошего паводка на реке Оттава, на берегу которой прошло ее детство.

Память будто бы постепенно захватывала даже ее чувства – она чувствовала запах его любимого одеколона, слишком легкого и сладкого для мужчины, она слышала его дыхание, негромкое, но узнаваемое, и ей даже показалось, что она почувствовала на своих плечах руки Гарри. Он всегда легко касался ее плеч, прежде, чем...

Его руки привычно скользнули к ключицам, к груди; его дыхание мягким теплом коснулось шеи, не прикрытой ее огненными волосами, собранными в причудливую прическу. Это было наваждение... или нет?

Джинна заставила себя открыть глаза, чтобы увидеть его тонкие, но сильные пальцы, лежащие у нее на груди...

– Гарри? – спросила она тихо. – Какого черта ты здесь делаешь?

– Ты ведь по мне соскучилась, – сказал Фишер, поворачивая Джинну к себе. – Могу поспорить, что тебе иногда снится это, разве нет?

– Да, – честно призналась Джинна. – Но, кажется, мы с тобой уже все выяснили, и я...

– Все выяснить нельзя, – ответил Гарри. – Всегда остается нечто недосказанное между мужчиной и женщиной. Ты не находишь?

– Мы так и будем стоять в коридоре? – уклонилась от ответа Джинна. – Проходи, хотя бы, в гримёрку, что ли. Мне надо снять макияж и переодеться. Надеюсь, тебя это не смутит?

Гарри рассмеялся:

– Чтобы смутить меня, надо нечто большее, чем женщина, с которой я в свое время по-настоящему познал наслаждение. В твоей гримёрке я уже был, так что не удивляйся.

– Было бы чему удивляться, – фыркнула Джинна, чувствуя, что вновь обретает душевное равновесие, – в отношениях с женщинами ты предсказуем: ковер из роз, белых и алых, какое-то хорошее вино, заставшее еще президента Теодора Рузвельта...

– На этот раз, пожалуй, старше, – сказал Фишер, беря ее под руку. – Ротшильдовский «Шато-Лафит» времен Бисмарка и Наполеона Третьего. Пустяк, каких-то семьдесят тысяч за бутылку... сейчас, конечно, дороже, я ее еще в восемнадцатом купил.

– И все эти годы хранил для нашей встречи? – коварно улыбнулась Джинна, подходя к двери своей гримёрки.

– И все эти годы хранил, – уклончиво сказал Гарри, пропуская ее внутрь. – Я мог бы добавить – как и чувства к тебе, но я помню, как ты не любишь пафосных заявлений.

Джинна на ходу выдернула пару длинных шпилек, похожих на японские палочки для еды, позволив волосам рассыпаться по ее плечам:

– А ты в это поверил? Какой же женщине не нравятся комплименты? Особенно высоким штилем? Просто от тебя чего-то подобного ожидать не приходилось, а женщина всегда подстраивается под мужчину...

Фишер, не теряя времени, сорвал с горлышка сургучовую печать, прикрывающую корок, и взял со стола длинный штопор:

– Немного пробки может попасть в вино, – заметил он. – Просто, когда ее вырезали, наши с тобой пра-пра-прадеды еще не родились, наверное. Ты действительно хочешь обсудить наше совместное прошлое? Когда-то ты казалась устремленной в будущее...

– Как и ты, милый, – ответила Джинна, присев перед зеркалом на удобное кресло и занявшись извечным женским таинством ухода за лицом. – Но будущее уже наступило, и вот-вот превратится в прошлое, где мы и застынем, как муха в капле янтаря. Что нам остается, как не предаваться воспоминаниям?

– Не стоит отчаиваться, – улыбнулся Гарри, разливая по бокалам из богемского стекла (притащил с собой, и Джинна даже видела грудку салфеток на столике, в которые он их укутал, чтобы не разбились) темное, похожее на венозную кровь, вино, – могу открыть тебе секрет: я почти закончил работу над... как бы объяснить, чтобы не прибегать к занудной терминологии?

– Объясни, как есть, я пойму, – сказала Джинна, заинтересовавшись.

Ее роковой любовник был гением. Гениальность Фишера заключалась в постановке задачи и подборе кадров для ее решения. Если задача даже выглядела фантастической или невыполнимой, то Гарри Фишер вполне способен был собрать команду для ее решения.

– Хорошо, – согласился Гарри. – В организме человека есть такой орган – тимус. Он ответственен за выработку Т-лимфоцитов, влияющих на наш иммунитет, а также ряда гормонов. Упуская ненужные подробности – этот коктейль программирует рост человека, защищает его от болезней и даже регулирует настроение. Но самое забавное – мы установили, что снижение активности тимуса, наступающее после начала полового созревания, фактически, запускает начало старения.

– И что с того? – пожала плечами Джинна. Она читала об этих исследованиях. Конечно, в интернете есть далеко не все, но достаточно, – пролонгированное функционирование тимуса ведет к развитию разных типов онкологии, разве нет? Человек не может быть вечно юным...

– Может! – воскликнул Гарри. – Фактически, я уже доказал это. Более того... я сумел добиться омоложения у нескольких людей. Разве ты не видишь, как я

выгляжу?

– Хорошо выглядишь, – согласилась Джинна. – Про меня тоже говорят, что я выгляжу на тридцать. Но я знаю правду. Эта правда даже сейчас отдается у меня в пояснице...

– Понимаю твой скептицизм, – сказал Гарри. – Я и сам, как Апостол Фома – не поверю, пока не потрогаю. Но сейчас, с биологической точки зрения, мне двадцать пять.

– Боюсь, ты себе льстишь, – но все-таки, Джинна присмотрелась к Гарри повнимательнее.

Черт... И правда, кожа у него упругая, как у юноши. Черт... а ведь Фишеру такое вполне по силам...

– Давай выпьем, – предложил Гарри. – За молодость?

– За молодость, которую придется вспоминать, – напела Джинна строчку своей песни, поднимая пузатый бокал. – Хотя ты меня поразил, Гарри Фишер. Врываешься в мою жизнь, чтобы, подобно змию из Эдема, цапнуть за самое болезненное место каждой женщины.

– Что-то я плохо помню Библию, – улыбнулся Гарри, также пригубив вино. – Разве змий кусал Еву? Как тебе вино?

– Разве такое вино может быть плохим? – Джинна даже чуть смежила рыжеватые ресницы, наслаждаясь вкусом. – Чуть-чуть отдает ежевикой...

– Знаешь, милая, – сказал Гарри, победоносно улыбаясь, – я ведь люблю тебя. Не той пошлой любовью, в которой больше от собственничества, чем от любви, а другой. Ты вдохновляешь меня, как муза поэта. И мне нравится все в тебе, даже то, что другие сочли бы недостатком.

– Например? – спросила Джинна, вновь отхлебнув рукотворную амброзию.

- Например – твое упрямство, – сказал Гарри. – Твой скептицизм, твоя ирония и даже твое недоверие ко мне. Когда-то ты первой решилась пройти Ритуал. Сегодня же ты бы отказалась от этого, не так ли?

- Это была глупость, – сказала Джинна, – детская игра в тайное общество...

- Не для меня, – ответил Фишер. – Ты знаешь меня лучше других. Я целеустремлен, как русская ракета «Циркон». И всегда добиваюсь своей цели.

Он откинулся назад, закинул ногу за ногу, сцепил пальцы рук на колене, и сообщил:

- Ежевичный привкус – от моего препарата по омоложению. Там его немного, но для общего эффекта хватит.

- ЧТО?! – возмутилась Джинна. – Ты подсыпал мне в вино...

- ...точно то же, что до этого принял сам, – улыбался Гарри. – Более того, этот препарат идеально совместим с твоей биохимией. Все в норме, аллергия тебе не грозит, тем паче – отравление.

- Да как ты посмел...?! – возмущалась Джинна.

- Как всегда, – равнодушно пожал плечами Гарри. – Я привык брать на себя ответственность за других...

- Вон отсюда! – У Джинны даже дух перехватило от наглости Фишера.

Тот, кстати, остался сидеть, как сидел:

- Никуда я не уйду, пока мы не допьем вино. А ты лучше выслушай меня.

?

Май 2026 год

После работы Борис вновь зашел в бар напротив. Он все еще чувствовал опьянение, но решил добавить.

Заказав себе порцию бифштекса с картошкой-фри и еще сто грамм водки, Борис ужинал и думал.

Ему казалось, что его мысли кристально-ясные, как никогда. Словно прозрачная жидкость крепостью в сорок градусов, как хороший стекломой, смыла с его мозгов грязь, мешавшую адекватно воспринимать действительность.

Борис думал о том, что нужно подстраховаться.

Когда человека хотят «кинуть», ему льстят, даже сверх меры, чтобы дурачок распустил уши и не видел нависшей угрозы. Не на того напали! Сейчас Фишер умотает куда-то, а его обещания – это же не нотариально заверенный документ! И останется Борис без дома и без денег. И без лаборатории. И с кредитами. Ну, уж нет. Дудки.

– Надо как-то подстраховаться, – пробормотал Борис, вставая со стула. – У меня есть один вариант...

– Вы что-то сказали? – спросил его бармен.

– Нет, – ответил Борис. – То есть... слушай, друг, а тебе когда-нибудь задерживали зарплату?

– Бывало, – кивнул бармен. – Предыдущий работодатель в двадцатом задолжал за три месяца, потом вообще закрылся и умотал со всеми деньжатами, сука такая... знать бы заранее, я б его налоговикам сдал, со всеми потрохами...

– Ты классный чувак, – одобрил его Борис. – Ты реально крутой. Я буду заходить к тебе, если буду дальше работать, идет?

– Да не вопрос, – равнодушно согласился бармен, и Борис ушел.

...на проходной дежурный недоуменно посмотрел на Бориса.

– Я завтра в отпуск ухожу, – пояснил тот. – Хочу кое-что закончить. И инструкцию для сменщика накатать.

– Так завтра бы и заканчивали, – буркнул дежурный, но впустил его – кьюар-код на бейджике Бориса давал ему высший уровень доступа.

Борис прошел в лабораторию.

Первым делом, он включил компьютер с отчетами. Для переноски ключей и софта Борис пользовался архаичной флэшкой. На этой флэшке, благо, место позволяло, имелось множество программ на все случаи жизни.

В том числе, довольно экзотические, например, червь «Сержант Пеппер». Этот компьютерный вирус прикреплялся к любому программному коду и, в указанное время, удалял его часть. Борис прикрепил червя к телу своих расчетов по Янусу-ДНК и Янусу-РНК, скопировав их, предварительно, на ту же флэшку, потом установил порядок и время уничтожения информации.

Если Фишер заплатит – у Бориса будет несколько часов, чтобы деактивировать червя. Никто так ничего и не узнает. А если не заплатит – ну, что же. У него ведь есть те же копия его расчетов. Он в любое время все сможет восстановить. За вознаграждение, конечно.

Потом Борису пришла в голову еще одна «гениальная» идея. Он вспомнил прошлую пандемию. Тогда все тоже думали, что дальше Китая зараза не пойдет, а больше всего пострадали как раз Штаты.

Если так произойдет, его Янус-ДНК будет дефицитом. Он, конечно, и сам может его воспроизвести, но зачем? У него материала было с запасом, поскольку он сделал больше, чем ему заказали: надо же было с чем-то экспериментировать!

Он всегда все делал с запасом – и Янус-ДНК, и Янус-РНК. Более того – среди пробирок было и новое его изобретение – комбинированный «Янус-2», в котором к «телу» Януса-ДНК были приделаны «руки» из РНК-компонентов. Борис его еще не тестировал, но, в теории, этот препарат был способен на то, что не под силу было Янусу-ДНК. Но была и обратная сторона – к сожалению, он также стремился размножиться, как Янус-РНК, то есть, его носитель мог быть заразным

для окружающих.

С этим надо было что-то делать... но не сейчас.

Борис надел защитный костюм и вошел в криокамеру.

Раскрыв холодильник, он некоторое время пытался понять, что где. Армейский заказ стоял отдельно, расфасованный, запечатанный и помеченный, а запасные дозы – вперемешку на полках, свободных от контейнеров с заказом.

Потом, найдя нужную ампулу, Борис набрал содержимое в герметичный пневмошприц, выбросил в утилизацию пустую пробирку и вышел в шлюз.

Там он снял костюм, отправив его на обеззараживание, и поставил себе инъекцию из пневмошприца. Сам пневмошприц он тоже утилизировал.

Закончив со всем этим, Борис вышел в чистую зону.

?

Май 2026 год

– Не буду я тебя слушать! – Джинна машинально отхлебнула вина и, чертыхнувшись, оставила полупустой бокал. – Ты соображаешь, что делаешь?

– Я всегда знаю, что делаю, – подтвердил Фишер. – Можешь даже не сомневаться.

– Откуда ты знаешь... – начала Джинна, но Гарри ее перебил:

– Материалом послужили твои собственные клетки. Поэтому, даже если ты подашь на меня в суд, суд не обнаружит в твоём организме ничего постороннего. Но завтра тебе перехочется подавать на меня в суд.

– Почему это? – буркнула Джинна. – Если ты намекаешь на мое женское непостоянство, сексист чертов...

– Я намекаю на твою рассудительность, – сказал Фишер. – Того количества препарата, что уже в тебе, хватит для нужного эффекта. На несколько дней ты почувствуешь себя двадцатилетней. Потом эффект пойдет на спад, но это не страшно.

– Не страшно, – рука Джинны сама потянулась к бокалу. – Что ты об этом знаешь?

– Ничего, – ответил Фишер, – кроме одного – самым дорогим подарком для женщины может быть только вечная молодость. Вечной не обещаю, но, если ты захочешь, то пару сотен лет можешь прожить юной, как Геба, и прекрасной, как... кто там у них в мифологии самый прекрасный?

– Ты бредишь, – Джинна тряхнула головой. – Фишер, это жестоко. Нельзя так издеваться над женщиной. Если это чертов розыгрыш...

– Ты же знаешь, что я всегда был к тебе равнодушен, – сказал Гарри. – Любовь – такое избитое, такое потасканное слово, что мне бы не хотелось использовать его в отношении нас с тобой. Я знал много женщин, и понял одну вещь... впрочем, ты знала много мужчин – но к кому бы тебе хотелось вернуться?

– Сук-кин ты сын, Гарри, – сказала Джинна. – Разве ты не знаешь, что нет никого, подобного тебе?

– Знаю, – кивнул Фишер. – И могу сказать то же в отношении тебя. Человек живет несправедливо мало; у нас с тобой было чертовски немного времени. А второго шанса, вроде бы, нет...

Он встал с кресла и зашагал по комнате:

– Но почему? Почему, с самого рождения, мы начинаем умирать? Хотя нет – есть время, в которое человек бессмертен. Но неумолимые биологические часы бьют полночь, и волшебство заканчивается.

У каждого из нас в мозгу есть орган, называемый тимус. Этот бдительный страж контролирует наш иммунитет. Он следит за тем, чтобы наше тело постоянно восстанавливалось, но делало это правильно. Увы, когда наше развитие достигает максимума – в возрасте двадцать – двадцать пять лет, чья-то невидимая рука останавливает эти часы. И мы начинаем умирать...

Фишер вновь сел в кресло, и освежил вино у них в бокалах:

– Я всегда восхищался тобой, Джинна, – сказал он. – Ты поражала меня редкой гармонией прекрасного тела и величественного, гордого духа, и мне была до боли невыносима сама мысль, что старость когда-то скомкает эту восхитительную плоть, как бумагу. Я потому и расстался с тобой – но не в мыслях, нет-нет.

Я нашел безумца, который рассказал мне, как возродить к жизни тимус, и другого безумца, который реализовал это на практике. Легендарная амброзия, божественный нектар, и все это можно сделать в любом количестве. Все чисто на научной основе. Синтетический медиатор тимуса, программа, которая заставит его воспрянуть ото сна и чисто вымести дом, в котором живет твой дух, от малейших следов дряхления и увядания...

Джинна чувствовала, что у нее кружится голова. Слова Гарри проникали в ее душу. Он говорил так искренне, так глубоко и проникновенно...

И она, внезапно для себя, поверила. Вернее, не то, чтобы поверила... когда они только основали свое тайное общество, на солнечной поляне у реки, Гарри сделал надрез у себя на ладони, и дал каждому из семнадцати последователей, выпить немного, а остаток выпил сам. Это было их тайным ритуалом. И она первая получила эти капли, чувствуя солоноватый вкус его крови на своих губах...

Она не думала, правильно это, или нет. Гарри ведь мог быть болен, тем же СПИДом, и они все могли заразиться. Но они доверились ему, тогда бедному и безвестному студенту – эмигранту. И никто об этом не пожалел. Их доверие стало трамплином, который вознес их на недостигаемые вершины.

И вот, теперь, как тогда, Джинна тоже решила довериться. Она понимала, что все, что говорит Гарри, может быть совсем не так. Что его теория может быть не

более, чем теорией. Что обещанное бессмертие может не получиться или даже обернуться его полной противоположностью...

...Но когда-то она пила его кровь. И доверяла Гарри Фишеру – назовем это так, раз он сам не хочет произносить слово «любовь».

– Черт тебя возьми, Гарри, – сказала Джинна, беря со стола бокал, и отпивая большой глоток. – Ты, конечно, псих, но чертовски талантливый псих. Попробуем, что получится. О'кей, что я должна делать дальше?

– Шестого у меня день рождения, – напомнил Фишер. – Я приглашаю тебя и всех наших провести месяц на моей яхте. А в качестве подарка каждый из нас получит кубок с амброзией. Ее хватит на следующие двадцать лет. Я сделаю вас бессмертными богами, и, прежде всего, тебя. Скоро мир вновь перевернется. Сейчас все мы многое потеряли – да, наш выпуск «Стигма-три» на первых ролях в США, но сама Америка отнюдь не такая великая, как раньше. В мире другие полюса – Россия, Китай, даже Индия уже обогнала нас. Но эту проблему можно решить, и мы ее решим. За этот месяц изменится все, и, когда мы ступим на твердую землю, нам останется только поднять скипетр могущества, который уронят другие. Мы построим свой Олимп, и на его вершине будем мы с тобой, Джинна.

– Ты всегда был чертовым романтиком, – сказала Джинна. – И пафосным до не могу. И всегда ставил перед собой фантастические цели. Но только ты можешь их достигнуть...

Она допила вино и встала с кресла – неожиданно легко, будто, и правда, помолодела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/oleg-roy/budem-kak-bogi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)